Б. М-Х. 3.11.
18.

М. Г. Моргулисъ.

ЗНАЧЕНІЕ ГИПНОТИЗМА ДЛЯ ЮРИСТОВЪ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Театральная Площадь, 2.
1898.

Резерв

II-36985р.

М. Г. Моргулисъ.

ЗНАЧЕНІЕ ГИПНОТИЗМА ДЛЯ ЮРИСТОВЪ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

БИБЛІОТЕКА
Отд. для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Театральная Площадь, 2.
1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Мая 1898 г.

ЗНАЧЕНІЕ ГИПНОТИЗМА ДЛЯ ЮРИСТОВЪ.

Гипнотическія явленія, которыя, начиная съ конца XVIII-го вѣка, подъ названіемъ животнаго магнетизма, занимали общественное мнѣніе Франціи, въ настоящее время завоевали себѣ довольно солидную позицію въ области медицинскихъ наукъ. То, что прежде считалось фактомъ подозрительнымъ, одно сочувствіе къ которому влекло за собою остракизмъ изъ среды академиковъ, теперь не подвергается болѣе ни малѣйшему сомнѣнію; то, что прежде считалось порожденіемъ шарлатанизма, теперь стало достояніемъ науки. Изслѣдованіе гипнотизма въ настоящее время создало обширную литературу во Франціи, Швейцаріи, Германіи, отчасти и Россіи; ему посвящаются чтенія въ академіяхъ и различныхъ обществахъ, занимающихся изученіемъ біологіи и психологіи; оно стало занимать умы юристовъ Западной Европы, изъ которыхъ нѣкоторые, для юридическихъ цѣлей, даже усовершенствовали методъ внушенія; у насъ философы теоретически изучаютъ гипнотизмъ съ цѣлію опредѣлить его значеніе для психологіи и метафизики *). Словомъ, гипнотизмъ представляется теперь на столько достовѣрнымъ научнымъ фактомъ, что не только ближайшія науки, въ составъ которыхъ онъ входитъ, какъ неотъемлемая ихъ часть, но и болѣе отдаленныя обращаются къ изученію его матеріала съ цѣлью теоретическаго и практическаго примѣненія его выводовъ.

*) *А. А. Козловъ* (профессоръ). Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики. Кіевъ, 1887 г.

Въ виду такого обширнаго распространенія гипнотизма, какое онъ получилъ въ послѣднее время, я считаю возможнымъ попытаться опредѣлить его значеніе для юристовъ, пользуясь въ этомъ отношеніи матеріаломъ, разработаннымъ въ западной литературѣ медиками и юристами.

Но для того, чтобы можно было усвоить себѣ вопросы, возбужденные, по поводу изученія гипнотизма, съ точки зрѣнія юридической, необходимо ознакомиться съ тѣмъ матеріаломъ, который долженъ послужить почвою для выясненія вопросовъ юридическихъ. Матеріалъ этотъ чрезвычайно обширенъ, но мы постараемся изъ него выбрать наиболѣе примѣнимый къ вопросамъ права и наиболѣе достовѣрный, большею частью служившій предметомъ судебнаго изслѣдованія.

Школа *Шарко* и его послѣдователей, какими являются Поль Рише, Бине, Фере, Бруардель, Жиль-де-Латуретъ и др. установила три типическихъ состоянія гипноза: летаргію, каталепсію и сомнамбулизмъ. Для нашей цѣли возьмемъ самые характерные физическіе признаки каждаго изъ нихъ. Признаки *летаргіи*: нервномышечная перевозбудимость, полное отсутствіе чувствительности и сознанія и уничтоженіе дѣятельности органовъ чувствъ. Глаза полу—или совершенно закрыты. Летаргія — самая глубокая форма гипноза. Признаки *каталепсіи*: потеря чувствительности, статуйная неподвижность и полный автоматизмъ, уничтоженіе дѣятельности органовъ чувствъ, за исключеніемъ зрѣнія, а иногда и слуха. Глаза широко раскрыты. Признаки *сомнамбулизма:* потеря чувствительности кожи, усиленная дѣятельность органовъ чувствъ и умственныхъ способностей, автоматизмъ, выражающійся въ рабскомъ подчиненіи волѣ гипнотизатора. Глаза почти совсѣмъ закрыты.

При летаргіи внушеніе вовсе невозможно; при каталепсіи оно возможно при помощи мышечнаго чувства; при сомнамбулизмѣ внушеніе вполнѣ примѣнимо.

Открытіе глазъ впавшаго въ летаргію вызываетъ каталепсію; закрытіе глазъ каталептика вызываетъ летаргію, а закрытіе одного глаза вызываетъ летаргію на той сторонѣ, на которой глазъ закрытъ; нажатіе или натираніе темени впавшему въ летаргію вызываетъ сомнамбулизмъ *).

Школа Шарко производитъ свои опыты исключительно надъ истерическими больными и признаетъ гипнозъ только въ указанныхъ выше формахъ.

Другая школа *Нансійская* не признаетъ классическихъ формъ, установленныхъ школою Шарко. Она полагаетъ, что гипнотическое состояніе есть не нервозный припадокъ, а состояніе сна, совершенно аналогичное съ естественнымъ сномъ. Не отличаясь характеромъ паталогическимъ, оно вызывается исключительно внушеніемъ у субъектовъ, совершенно здоровыхъ, безъ различія возраста и пола **). Представители этой школы Льебо, Бернгеймъ, Рише, Льежуа, Бони, Бремонъ и др. Цюрихскій профессоръ Форель, наблюдавшій гипнотическія явленія въ школѣ Нанси, подтверждаетъ ея взглядъ на основаніи сдѣланныхъ имъ опытовъ. Онъ говоритъ: «субъекты, отличающіеся здравымъ умомъ и нормальнымъ сномъ, обыкновенные люди изъ народа, безспорно легко поддаются гипнозу и вліянію внушенія. Орудіе, которымъ дѣйствуютъ во время гипноза, это—мозгъ, а онъ работаетъ тѣмъ лучше и тѣмъ точнѣе, чѣмъ онъ здоровѣе» ***).

Но каково-бы ни было различіе во взглядѣ означен-

---

*) *Giles de la Tourette.* L'hypnotisme et les états analogues au point de vue médico-légale 1887 г. (80—112).

Jules Liegeois. De la suggestion et du somnambulisme dans leurs rapports avec la jurisprudence et la médicine légale (74—76).

Lilienthal. Der hypnotismus und das Strafrecht (3—10).

О. Мочутковскій. Объ истерическихъ формахъ гипноза. (19, 42 и 68).

**) *Liegeois*, 614.

***) *Liegeois*, 625.

ныхъ школъ на внушеніе, какъ на источникъ-ли самого гипноза, или какъ на средство, къ которому, для научныхъ и терапевтическихъ цѣлей, прибѣгаютъ во время гипноза, несомнѣнно для всѣхъ одно, что внушеніе имѣетъ роковое значеніе для лица, находящагося въ сомнамбулистическомъ состояніи. Поль Жане опредѣляетъ внушеніе слѣдующимъ образомъ: «внушеніе есть дѣйствіе, посредствомъ котораго можно, въ состояніи гипнотизма, или даже, въ опредѣленныхъ случаяхъ, на яву, вызвать, при помощи извѣстныхъ впечатлѣній, въ особенности-же посредствомъ слова, въ предрасположенномъ нервозномъ субъектѣ, цѣлый рядъ явленій, болѣе или менѣе автоматическихъ, заставить его говорить, дѣйствовать, какъ хотятъ,—словомъ превратить его въ машину» *). Льежуа называетъ внушеніе процессомъ моральной и интеллектуальной вивисекціи **).

Внушеніе оказываетъ вліяніе не только на волю гипнотика, но и на отправленіе органической его жизни. Посредствомъ приложенія къ его тѣлу папиросной или другой бумаги, выдаваемой за мушку, у гипнотика появляются въ опредѣленное время пузыри со всѣми естественными его признаками нарыва. Этотъ опытъ произведенъ многими врачами, въ томъ числѣ и докторомъ Бони, который 29-го іюня 1885 года демонстрировалъ въ физіолого-психологическомъ обществѣ снятую имъ фотографію такого нарывообразованія. Внушеніемъ можно вызвать мѣстное и общее поднятіе температуры тѣла ***) (чтеніе Дюмонпалье въ Біологическомъ обществѣ 1885 г.), кровотеченіе изъ носа и кровавый потъ (Бюри и Бюро въ École de Rochefort). Одинъ изъ нихъ тупымъ концомъ своего зонда написалъ гипнотику на нижней части руки свое имя, сдѣлавъ ему внушеніе заснуть въ 4 часа

*) *Lilienthale*, 15.
**) *Liegeois*, 710.
***) *Ladame*. L'hypnotisme et la médicin légale 46.

вечера и пропустить чрезъ кожу кровь по линіямъ, которыя имъ проведены. Это дѣйствительно сбылось: на лѣвой нижней части руки буквы выдѣлялись изъ блѣднаго фона кожи нѣсколько возвышенными и живо окрашенными линіями, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ просачивались кровянныя капли. Шарко и его ученики часто вызываютъ раны отъ обжога, внушеннаго гипнотику *). То же вамое подтверждается и Крафтъ-Эбингомъ **).

Съ точки зрѣнія психологической внушеніе оказываетъ подавляющее вліяніе, какъ въ этомъ убѣдимся изъ слѣдующихъ дѣлъ и фактовъ.

Важное мѣсто въ этомъ отношеніи въ гипнотической литературѣ занимаетъ процессъ Кастеллана 1865 года, свѣдѣнія о которомъ проникли въ нашу юридическую литературу. Кастелланъ былъ приговоренъ къ 12-ти лѣтнимъ тяжкимъ работамъ. Экспертами были врачи Обанъ и Ру. Все время судебнаго слѣдствія подсудимый велъ себя необычайно хладнокровно и дерзко. Президенту суда онъ предлагалъ испытать силу своей власти, а прокурора онъ фиксировалъ въ теченіе судебнаго слѣдствія своимъ взглядомъ, угрожая его усыпить, такъ что прокуроръ вынужденъ былъ говорить, опустивъ глаза.

Обстоятельства этого дѣла заключаются въ слѣдующемъ: 31 марта 1865 г. въ деревню Гвіоль прибылъ одѣтый въ лохмотья, отвратительный на видъ и кривоногій нищій, 25-ти лѣтъ, по имени Кастелланъ, который притворился глухонѣмымъ. Любопытные сосѣди того дома, гдѣ былъ принятъ гость, узнали отъ него, путемъ письменнаго изложенія карандашемъ, что онъ сынъ Божій, сошедшій съ неба, именемъ Іисусъ Христосъ; что они теперь видятъ только маленькія, но потомъ увидятъ большія чудеса. Поведеніе его оказало впечатлѣніе на присутствую-

*) *Lilienthal* (16—20).

**) Eine Experimentalle Studie auf dem Gebiete des hypnotismus. Stuttgart 1888.

щихъ, а дочь хозяина, у котораго онъ остановился, Жозефина, почувствовала страхъ. Переночевавъ подъ скирдою сѣна, онъ на другой день позавтракалъ и ушелъ, но вскорѣ возвратился, узнавъ, что Жозефина цѣлый день остается одна. Одинъ изъ сосѣдей, приходившихъ въ то время къ Кастеллану, принимая его за святого, замѣтилъ между прочимъ, что послѣдній описываетъ какіе-то странные круги позади Жозефины,—въ то время, когда она была занята работой. Она, казалось, обнаруживала тревожное состояніе духа. Когда визиты сосѣдей прекратились, въ квартирѣ Жозефины произошло нѣчто такое, что неопредѣленно подтверждается ею, но опровергается Кастелланомъ. Она чувствовала посягательство на свою честь, но не была въ силахъ оказывать малѣйшее сопротивленіе: она лишена была способности движенія и голоса. Затѣмъ, въ 4 часа дня, она почувствовала непреодолимое влеченіе слѣдовать за Кастелланомъ. Жители деревни замѣчали странное выраженіе лица Жозефины, которая произнося безсвязныя слова, объясняла, что слѣдуетъ за сыномъ Божіимъ. Такъ шла она за Кастелланомъ изъ деревни въ деревню, испытывая къ нему различныя чувства: то чувство привязанности, то чувство отвращенія. Въ этой деревнѣ она передавала нѣкоторымъ лицамъ, что, впадая въ отчаяніе, она готова утопиться. Когда Жозефина думала противиться его волѣ, ему стоило только дотронуться, по показаніямъ свидѣтелей, до ея лба или верхней части таліи, чтобы привести ее въ безсознательное состояніе. Тогда онъ заставлялъ ее всходить по лѣстницѣ, заставлялъ ее безсмысленно смѣяться, и она казалась лишенною чувствительности. Обхожденіе Кастеллана съ Жозефиною возмущало свидѣтелей, которымъ онъ заявилъ, что она не первая его жертва. Въ такомъ состояніи нервныхъ припадковъ, преисполненная глубокаго отвращенія къ властелину своей воли, Жозефина провела нѣсколько дней, пока Кастел-

ланъ, будучи застигнутъ въ дорогѣ охотниками, потерялъ ее изъ виду. Этимъ она воспользовалась и, не переводя духа, побѣжала назадъ въ ближайшую деревню, умоляя всѣхъ, чтобы ее укрыли отъ Кастеллана, котораго она съ большою радостью бросила. По произведеннымъ изслѣдованіямъ оказалось, что Жозефина никогда не страдала истеріей, была безупречной нравственности, весьма заботлива въ исполненіи своихъ обязанностей и не имѣла никакихъ наслѣдственныхъ пороковъ.

Эксперты признали, что посредствомъ такъ называемыхъ «магнетическихъ маневровъ» можно оказать на волю въ особенности предрасположеннаго своимъ нервознымъ темпераментомъ человѣка такое вліяніе, что его нравственная свобода можетъ быть нарушена, или болѣе или менѣе совершенно уничтожена. На второй вопросъ эксперты отвѣтили, что, погружая молодую дѣвушку въ магнетическій сонъ, можно имѣть съ нею интимныя сношенія, о которыхъ, въ моментъ осуществленія ихъ, она не будетъ имѣть никакого сознанія, что также возможно и то, чтобы, посредствомъ магнетическаго дѣйствія, чувствительность молодой дѣвушки была притуплена, а воля достаточно подавлена и чтобы она, освободившись совершенно отъ магнетическаго сна, не имѣла необходимой нравственной свободы для сопротивленія интимнымъ сношеніямъ, или для выраженія на то своего сознательнаго согласія *).

Льежуа совершенно согласенъ съ заключеніемъ экспертовъ, но говоритъ, что магнетическій сонъ и магнетическій маневръ сами по себѣ ничего не объясняютъ. Онъ полагаетъ, что Кастелланъ былъ хорошо знакомъ съ опытами внушенія. Не подозрѣвая того, чтобы ему былъ извѣстенъ курсъ Бредизма, обнародованный въ 1860 г., за пять лѣтъ до возбужденія дѣла противъ Кастеллана,

*) *Liegeois* 544. *Bernheim* De la suggestion et de ses applications a la therapeutique. Paris. 1888.

Льежуа убѣжденъ, что преступникъ могъ быть посвященъ въ пріемы внушенія кѣмъ нибудь изъ низкопробныхъ магнетизеровъ, которые въ контрабандномъ мірѣ колдуновъ, нищихъ, прорицателей будущаго, цыганъ и проч., вѣками передаютъ другъ другу секреты, которые дозволяютъ имъ жить на чужой счетъ. При этомъ Льежуа дѣлаетъ ссылку на то, что Кастелланъ указалъ на своего отца, который дѣйствовалъ такими же способами. Поэтому Льежуа приходитъ къ тому выводу, что если бы означенный процессъ имѣлъ мѣсто въ настоящее время, когда сила внушенія всесторонне изслѣдована, эксперты установили-бы, что все поведеніе Жозефины слѣдуетъ объяснить только тѣмъ, что она исполняла все то, что было ей заранѣе внушено Кастелланомъ во время сомнамбулическаго сна, въ который онъ ее погрузилъ.

И въ самомъ дѣлѣ, безчисленными примѣрами доказано, что дѣйствіе, внушенное къ исполненію во время сомнамбулическаго сна, совершается затѣмъ въ бодрственномъ состояніи съ непреодолимою силою. Эти факты въ настоящее время настолько популярны, что долго останавливаться на нихъ не стоитъ. Скажемъ только то, что профессору — юристу Льежуа удалось вызвать внушеніемъ: ложное донесеніе полиціи, ложныя свидѣтельскія показанія, выдачу долговаго обязательства, обѣщаніе уплатить внушенный долгъ, ручательство и т. п. Не удалось ему только засвидѣтельствовать у нотаріуса составленный по внушенію актъ, потому что тотъ отказался участвовать своею властію въ достиженіи цѣли внушенія *). Льебо говоритъ, что опыты, производимые имъ въ теченіе болѣе 30-ти лѣтъ, вполнѣ убѣдили его въ томъ, что сознаніе сомнамбулистовъ послѣ сдѣланнаго внушенія похоже на корабль, который безъ мачтъ

*) *Lilienthal* 36.

предоставленъ волѣ стихійнаго вѣтра: они исполняютъ буквально все внушенное, безъ всякой власти сопротивляться, съ какою то непреодолимостью; они идутъ, говоритъ Льебо, къ своей цѣли какъ камень, который падаетъ *).

Процессъ Кастеллана вполнѣ напоминаетъ собою другой процессъ одного индійскаго цирюльника, о которомъ сообщаетъ директоръ Эздайль, хирургъ англійской арміи въ Индіи.

Проходя мимо полиціи, говоритъ Эздайль, я замѣтилъ сборище и по разспросамъ узналъ, что привели туда украденнаго мальчика. Заинтересовавшись случаемъ, докторъ зашелъ въ полицію, гдѣ увидѣлъ мальчика 10-ти или 12-ти лѣтъ, съ глупымъ, полуидіотскимъ выраженіемъ лица. Распорядившись объ отправкѣ его въ госпиталь, докторъ привелъ его въ сознаніе и узналъ отъ него слѣдующее. Арестованный полиціею цирюльникъ, замѣтивъ его въ полѣ, на близкомъ разстояніи отъ хижины, свернулъ съ дороги и направился къ нему, затѣмъ началъ приставать, бормоча какіе-то чары, взялъ его за руку и вслѣдъ за симъ провелъ другою рукою предъ его глазами. Онъ впалъ въ безсознательное состояніе, помнитъ только, что этотъ человѣкъ его велъ и что онъ чувствовалъ себя обязаннымъ слѣдовать за нимъ. Когда-же онъ пришелъ въ себя, то находился уже въ двухъ миляхъ отъ того мѣста, откуда увлекъ его за собой цирюльникъ. Человѣкъ, освободившій мальчика отъ власти цирюльника, показалъ, что, встрѣтивъ утромъ очень хорошо знакомаго ему мальчика, который слѣдовалъ за цирюльникомъ, онъ остановилъ его и потребовалъ отъ него объясненія. Но мальчикъ, у котораго было совершенно идіотское выраженіе лица, ничего на это не отвѣтилъ. Пораженный такимъ состояніемъ, свидѣтель облилъ мальчика водой и

*) *Liegeois* 647.

прибѣгъ къ другимъ средствамъ, чтобы привести его въ сознаніе, что ему, наконецъ, и удалось. Цирюльникъ попытался бѣжать, но его настигли и арестовали.

Цирюльникъ объяснилъ, что онъ по дорогѣ встрѣтилъ мальчика—полуидіота, который плакалъ, говоря, что сбился съ пути. По этой причинѣ онъ предложилъ ему слѣдовать за собой до полицейскаго бюро, чтобы найти кого-либо, кто-бы отвелъ его домой.

Этотъ случай обратилъ на себя вниманіе Эздайля. Онъ отправился въ тюремный госпиталь и тамъ магнетизировалъ человѣка, котораго уже нѣсколько разъ передъ тѣмъ усыплялъ. Онъ довелъ его только до неполнаго сна, оставивъ ему способности движенія и отчасти слуха. Въ этомъ состояніи онъ заставилъ его слѣдовать за собой нѣкоторое время, а затѣмъ, предоставленный самому себѣ, больной продолжалъ идти прямою линіей, пока не натолкнулся на ограду у стѣны, гдѣ и остановился. Когда докторъ его обернулъ назадъ, онъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, что происходило предъ тѣмъ.

На судѣ, на которомъ присутствовало много европейцевъ и туземцевъ, Эздайль показывалъ опыты гипноза надъ тремя субъектами, которые въ состояніи сомнамбулизма выходили за нимъ изъ залы суда и возвращались назадъ, не сохранивъ объ этомъ послѣ пробужденія никакихъ вспоминаній и утверждая предъ судомъ на предложенные имъ вопросы, что вовсе не оставляли зала засѣданій. Во время допроса ихъ судомъ, Эздайль сзади ихъ усыплялъ, и они тотчасъ прекращали отвѣты. У одного изъ нихъ губы продолжали шевелиться, какъ-бы тихо доканчивая отвѣтъ.

Такимъ образомъ увозъ мальчика выяснился предъ судомъ съ такою очевидностью, что цирюльникъ былъ осужденъ на 9 лѣтъ тяжкой работы, и приговоръ былъ утвержденъ высшимъ судомъ. Но администрація, полагая,

что Эздайль оказалъ слишкомъ живое впечатлѣніе на судей, помиловала обвинённаго *).

Желая убѣдиться въ томъ, не было-ли въ Индіи фактовъ, аналогичныхъ тому, въ изученіи котораго Эздайль выказалъ столько прозорливости, Потэ нашелъ въ Индокитайскомъ журналѣ свѣдѣнія о томъ, что еще въ 1820 г. общественное мнѣніе было сильно возбуждено открытіемъ шайки, занимавшейся кражею дѣтей обоего пола. Она состояла изъ шести мужчинъ и трехъ женщинъ, которые уже болѣе 20-ти лѣтъ занимались этимъ промысломъ. Въ теченіе этого времени они успѣли увести нѣсколько тысячъ дѣтей. Въ притонѣ шайки послѣднихъ найдено человѣкъ десять, которые всѣ находились подъ тѣмъ-же вліяніемъ притупляющихъ сознаніе чаръ, подъ какимъ случайно встрѣченъ былъ первый мальчикъ, опознанный знакомою ткачихою.

Потэ говоритъ, что путешественники, хорошо изслѣдовавшіе Индію, свидѣтельствуютъ, что извѣстные тамъ подъ особою кличкою воры пользуются умышленными магнетическими манипуляціями, которыя облегчаютъ имъ ихъ продѣлки. Викторъ Жакмонъ въ своихъ письмахъ говоритъ, что они производятъ тревожный сонъ особыми прикосновеніями и по произволу придаютъ тѣлу человѣка желательное имъ положеніе **).

Любопытна также гипотеза, сдѣланная Льежуа относительно распространенности метода внушенія у нашихъ скопцовъ по отношенію къ дѣтямъ. Въ подтвержденіе ея онъ ссылается на статью г. Цакни «sur les sectes religieuses en Russie», помѣщенную въ Revue scientifique за 1886 г., въ которой говорится: «Скопцы въ особенности стремятся къ обращенію дѣтей, которымъ они

*) *Liegeois*—561—565; *Gilles de la Tourette* 353—357.

**) *Liegeois* 568. Revue scientifique 1886 г. p. 129. Приведенная статья, прочитанная нами, показываетъ знакомство автора съ предметомъ. Gilles de la Tourette 358.

стараются, съ самаго ранняго возраста, внушить необходимость умерщвленія плоти. Замѣчено, что скопцы производятъ неограниченное вліяніе на своихъ адептовъ и *знаютъ, какъ довести ихъ до состоянія автоматовъ*, послушныхъ и преданныхъ своимъ господамъ. Дитя, которое опредѣленное время провело у скопцовъ, глубоко проникается духомъ секты и въ такой степени, что *никакое увѣщаніе не въ состояніи вынудить у нихъ изобличеніе обрядовъ или измѣну своимъ властелинамъ*. Предъ судомъ они *остаются нѣмы*, или выказываютъ ловкость истинныхъ фанатиковъ. Это вліяніе скопцовъ настолько могущественно, что извѣстны примѣры, какъ дѣти отъ двѣнадцати до четырнадцати лѣтъ сами надъ собою совершали обрядъ оскопленія».

Подчеркивая именно тѣ указанія г. Цакни, которыя говорятъ о томъ, что скопцамъ извѣстны способы доведенія дѣтей до состоянія автоматовъ, и характеризуютъ поведеніе дѣтей на судѣ, Льежуа говоритъ: «я не боюсь быть уличеннымъ во лжи тѣми, которые тщательно изучили эти вопросы, если я скажу, что *дѣйствія, которыя скопцы производятъ надъ этими несчастными дѣтьми, могутъ всѣ быть достигнуты внушеніемъ*. Это такое соображеніе, которое мнѣ кажется необходимымъ отмѣтить, говоритъ Льежуа, и я считалъ бы себя счастливымъ, еслибы оно могло принести нѣкоторую пользу великому народу, который имѣетъ во Франціи однихъ только друзей *).

Указавъ на два примѣра, въ которыхъ гипнотики сдѣлались жертвами насилія, мы перейдемъ къ другимъ дѣламъ, въ которыхъ обнаружится, что въ состояніи естественнаго, никѣмъ не вызваннаго сомнамбулизма, подверженные ему совершаютъ или въ сущности невинныя дѣйствія, которыя только, вслѣдствіе незнанія ихъ

*) *Liegeois* 569.

характера, принимаютъ преступный колоритъ, или же совершаютъ преступныя дѣйствія, истинный смыслъ которыхъ требуетъ выясненія.

Французскій сенаторъ, докторъ Дюфэ передаетъ слѣдующій замѣчательный фактъ. У его коллеги, доктора Жиро, была молодая служанка, надъ которою онъ производилъ опыты гипнотизма. Разъ, какъ-то приходя въ Блоаскую тюрьму, гдѣ состоялъ докторомъ, Дюфэ замѣтилъ ее въ числѣ арестованныхъ. Чрезвычайно изумленный, онъ спрашиваетъ у нея объясненія, и она разсказываетъ ему, что уже не служитъ у Жиро, а у одной дамы, которая обвиняетъ ее въ кражѣ, вслѣдствіе чего она и арестована. Со слезами на глазахъ она протестуетъ противъ обвиненія. Замѣтивъ нѣсколько разъ, какъ дѣвушка Р. Л., во время гипнотизма, любила убирать вещи, утрату которыхъ она предполагала, когда пробуждалась, и которыя она, однако, опять находила, когда впадала въ гипнозъ, Дюфэ спросилъ молодую арестантку, не перешла-ли привычка гипнотизироваться въ естественный сомнамбулизмъ? Она сама ничего не знала, но сестра милосердія, которая присутствовала при разговорѣ, сказала, что съ тѣхъ поръ, какъ она въ тюрьмѣ, она каждую ночь встаетъ, одѣвается и гуляетъ по спальнѣ.

Я часто наблюдалъ, говоритъ Дюфэ, какъ Жиро вызывалъ у нея гипнозъ. Подражая ему, я успѣлъ, приложеніемъ руки къ ея лбу, погрузить ее въ сонъ. Тогда она, на мои вопросы, объяснила, что она и въ мысли не имѣла обворовать свою хозяйку, но разъ ночью ей пришла въ голову мысль, что было бы лучше перенести цѣнныя вещи ея въ другое мѣсто, которое для нихъ болѣе безопасно, чѣмъ то, гдѣ онѣ находились. Перемѣнивъ мѣсто, она имѣла въ виду сообщить объ этомъ своей госпожѣ.

Но такъ какъ, говоритъ Дюфэ, память у нея не существовала послѣ пробужденія, и съ другой стороны, за-

пираясь ночью у себя, хозяйка никогда не могла видѣть своей служанки въ состояніи сомнамбулизма, первая думала, что служанка ее обокрала и подала на нее жалобу.

Узнавъ объ этомъ, Дюфэ немедленно сообщилъ все судебному слѣдователю, который выслушалъ его со вниманіемъ, но не безъ недовѣрчивой улыбки. Онъ выразилъ, однако, на другой день желаніе отправиться вмѣстѣ съ Дюфэ въ тюрьму, гдѣ арестантка, приведенная въ гипнозъ, повторила слѣдователю все то, что сказала наканунѣ. Онъ слушалъ ее со вниманіемъ, отмѣчая всѣ подробности и предлагая ей описать домъ, комнату, мебель и выдвижной ящикъ.

Затѣмъ, выходя изъ тюрьмы, слѣдователь отправился къ дамѣ, потерпѣвшей отъ кражи, направился прямо къ секретному мѣсту и оттуда вытащилъ, къ удивленію собственницы, пропавшія вещи. Невиновность подсудимой ясно была доказана, и дама отправилась въ тюрьму просить у своей служанки извиненія *).

Это было въ 1883 году, и, только благодаря случаю, молодой служанкѣ удалось не сдѣлаться жертвою судебной ошибки. Надобно прибавить, что одно знакомство Дюфэ съ дѣвицею Р. Л. само по себѣ, конечно, не могло бы служить къ раскрытію истины, если бы къ тому времени не было извѣстно о возможности вызвать у сомнамбулы воспоминаніе о томъ, что ею сдѣлано во время гипноза и что ею совершенно забывается въ бодрственномъ состояніи. Благодаря невѣжеству, во Франціи имѣли мѣсто нѣсколько процессовъ, которые окончились обвинительными приговорами, не смотря на совершенную невинность обвиняемыхъ. Въ высшей степени поучительнымъ въ этомъ отношеніи представляется уголовный процессъ 1835 года, начатый противъ офицера французской

*) *Liegeois* 581—583.

арміи Ла-Ронсьера, по обвиненію его въ покушеніи на насиліе и нанесеніи ранъ дочери генерала М., и надѣлавшій тогда шума не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Не смотря на то, что ни одинъ изъ фактовъ весьма страннаго свойства, на которые указывала генеральская дочка, не подтвердился на судѣ, а нѣкоторые изъ нихъ исключались логикой вещей, Ронсьеръ былъ осужденъ на десятилѣтнее заключеніе и сошелъ съ ума. Впослѣдствіи оказалось, что потерпѣвшая будто отъ преступленія страдаетъ галлюцинаціями и истеріей, и все то, что ей грезилось въ состояніи припадка, она приняла за дѣйствительность, будучи добросовѣстно въ томъ убѣждена. Женевскій профессоръ Ладамъ приводитъ примѣры эротическихъ возбужденій, жертвою которыхъ на судѣ можетъ сдѣлаться вовсе непричастный къ испытаннымъ галлюцинаціямъ мужчина, и совѣтуетъ врачамъ производить опыты внушенія съ терапевтическою цѣлію всегда въ присутствіи третьяго авторитетнаго лица *). И дочь генерала М. несправедливо, но добросовѣстно взвела обвиненіе противъ Ронсьера; но, къ сожалѣнію, это обнаружилось слишкомъ поздно, когда Ронсьеръ уже отбылъ наказаніе и, вслѣдствіе потери разсудка, не могъ воспользоваться даже нравственнымъ удовлетвореніемъ относительно возстановленія своей чести. Потерпѣвшая долго страдала такъ называемою большою истеріею и сдѣлалась усердною паціенткою Шарко.

Не менѣе интересно другое уголовное дѣло, имѣвшее мѣсто въ 1886 году, которое раскрыло предъ судомъ вліяніе сомнанбулистическаго автоматизма. Нѣкто Улиссъ Х. проникаетъ въ мебельный магазинъ и преспокойнымъ образомъ перетаскиваетъ оттуда къ себѣ на дворъ разную мебель, на глазахъ всѣхъ, чрезъ улицу. Работу эту онъ

*) *Ladame* L'hypnotisme et la medicine légale 1888. стр. 41. *Liegeois* 505—517.

продолжаетъ совершенно безпечно до тѣхъ поръ, пока не приходитъ хозяинъ магазина и арестуетъ его.

Преступленіе констатировано такъ, что его отрицать невозможно. Между тѣмъ обвиняемый, сначала какъ-бы оглушенный, не замедляетъ однако вслѣдъ засимъ протестовать противъ обвиненія и вскорѣ обращаетъ на себя вниманіе своими странными манерами. Въ полиціи замѣчаютъ по временамъ, что онъ какъ-бы разсѣянъ: къ нему говорятъ,—онъ ничего не отвѣчаетъ; при произнесеніи его имени,—онъ не шевелнется, и самыя рѣзкія приказанія не выводятъ его изъ оцѣпененія. Онъ, кажется, ничего не слышитъ и совершенно чуждъ всему тому, что вокругъ него происходитъ. Въ присутствіи судебнаго слѣдователя онъ впадаетъ въ сомнамбулическій сонъ. Судебной экспертизой установлено было, что обвиняемый ранѣе еше страдалъ тифозною горячкою, а въ 1885 г. началъ впадать въ сомнамбулизмъ: во снѣ онъ ночью направляется къ окну, открываетъ его и дѣлаетъ движеніе, какъ-бы желая броситься; его удерживаютъ,— и вдругъ—истерическій припадокъ. Придя въ себя, онъ ничего не помнитъ о томъ, что было. Далѣе приведено въ извѣстность, что у него внезапно прерывается сознательная, нормальная жизнь. За столомъ, за работой, онъ внезапно засыпаетъ. Разъ, отправившись съ пріятелями въ окрестности столицы погулять, онъ вдругъ впалъ въ сонъ, и его нельзя было разбудить, такъ что нужно было его отвести въ Парижъ, гдѣ онъ на другой только день пришелъ въ себя. Судебный врачъ Гарнье говоритъ, что его наблюденія надъ обвиняемымъ во время сомнамбулизма приводятъ къ тому заключенію, что переходъ отъ состоянія бодрствованія къ патологическому сну совершается у него самымъ неожиданнымъ образомъ: онъ происходитъ внезапно, такъ что вниманіе наблюдателя не поражается никакимъ явленіемъ шумливаго характера. Окончательное заключеніе эксперта состояло въ томъ, что нельзя вмѣ-

нять дѣйствія человѣку, разумъ котораго отсутствуетъ и воля котораго на столько подавлена, что совсѣмъ не существуетъ.

Согласно этому заключенію подсудимый былъ оправданъ *).

Чрезвычайно интересно еще одно дѣло, начавшееся въ 1880 и оконченное въ 1881 году, на которомъ въ совѣщательной камерѣ суда повторенъ былъ путемъ гипноза случай, подавшій поводъ къ обвиненію подсудимаго.

Нѣкто Д. былъ задержанъ полиціей и преданъ суду по обвиненію въ нарушеніи публичной благопристойности. Въ теченіе трехъ дней судъ надъ нимъ былъ оконченъ, онъ былъ приговоренъ и отправленъ въ тюрьму, гдѣ заболѣлъ и поступилъ въ больницу. Приговоренный не зналъ даже о томъ, что его судили: два жандарма взяли его подъ руки, почти стащили со скамьи въ камерѣ исправительной полиціи, и лишь только въ пріемномъ залѣ подсудимыхъ онъ вышелъ изъ своего оцѣпененнаго состоянія и узналъ, что приговоренъ на три мѣсяца въ тюрьму. Въ то самое время, какъ это случилось, Д. розыскивался хозяиномъ, у котораго работалъ, рабочими и двоюроднымъ братомъ, которые знали, что онъ, въ разстроенномъ состояніи здоровья, отправился къ врачу за лѣкарствомъ. Его искали всюду, но не нашли никакого слѣда, и очень естественно, потому что его арестовали.

Къ счастію докторъ Мотэ, узнавъ объ арестѣ Д., счелъ своею обязанностью придти къ нему на помощь: апелляціонная жалоба была подана, и экспертиза была устроена.

Оказалось, что еще съ 1877 года, когда онъ состоялъ въ военной службѣ, онъ началъ страдать сомнамбулизмомъ. Отправившись разъ въ поле съ товарищами погулять,

*) *Liegeois*. 594.

онъ вдругъ впалъ въ безсознательное состояніе. Всѣ думали, что онъ умеръ. На другой день къ нему возвратилось чувство слуха. Онъ слышалъ все, что говорили кругомъ него, но былъ неподвиженъ, абсолютно лишенъ былъ возможности произнести хоть-бы одно слово. Услышавъ, что главный врачъ военнаго госпиталя произнесъ слова: «эпилептическій припадокъ», онъ хотѣлъ протестовать, но не могъ: припадки эти продолжались и послѣ выхода изъ военной службы, когда онъ поступилъ на желѣзную дорогу. Замѣчено было, что, впадая въ сомнамбулизмъ, Д. продолжаетъ преслѣдовать идею, которая занимала его умъ въ бодрственномъ состояніи. Разъ онъ ночью оставилъ госпиталь и ушелъ на бульваръ, гдѣ онъ былъ арестованъ сержантами и доставленъ обратно. Ничего не было легче, какъ привести Д. изъ состоянія нормальнаго въ состояніе сомнамбулизма. Даже не было надобности прибѣгать къ тѣмъ пріемамъ, къ которымъ прибѣгаютъ для гипнотизированія; въ состояніи же сомнамбулизма его можно было положительно лишить всякой воли. 18 октября 1880 года, въ день совершенія имъ мнимаго преступленія, у него показалось изъ горла обильное кровотеченіе и отъ истощенія онъ впалъ въ обморокъ. Потерявъ въ тотъ день еще достаточно крови, онъ отправился вечеромъ за лѣкарствомъ. По дорогѣ вновь показалась кровь, и онъ зашелъ въ одно изъ публичныхъ сооруженій, гдѣ думалъ подъ краномъ вымыть запачканные кровью платки и вычистить отъ крови усы. Съ этого момента онъ не помнилъ болѣе, что съ нимъ происходило.

На судѣ Мотэ энергически доказывалъ, что Д. не могъ совершить публичнаго оскорбленія стыдливости. Онъ утверждалъ, что Д. представляетъ два состоянія: одно нормальное, въ которомъ онъ долженъ отвѣчать за свои дѣйствія, а другое—патологическое, въ которомъ онъ перестаетъ себѣ принадлежать и собою управлять, и въ

этомъ положеніи, о которомъ онъ не сохраняетъ никакого воспоминанія, Д. долженъ быть признанъ абсолютно невмѣняемымъ.

На вопросъ генеральнаго адвоката Бертрана, можетъ-ли Мотэ утверждать, что именно въ тотъ моментъ, когда Д. былъ арестованъ, онъ находился въ патологическомъ состояніи, Мотэ заявилъ, что онъ этого не можетъ. Между тѣмъ судъ обнаружилъ нерѣшительность, ему казалось труднымъ допустить, чтобы человѣкъ могъ пройти чрезъ столь различныя состоянія и подчиниться воли, ему совершенно чуждой. По этому Мотэ предложилъ произвести опытъ патологическаго состоянія, и предложеніе его было принято президентомъ апелляціонной камеры исправительной полиціи.

Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ Д. фиксированнымъ взглядомъ былъ приведенъ въ состояніе сомнамбулизма. Мотэ и нѣсколько судей удалились въ совѣщательную камеру, а подсудимый оставленъ въ залѣ, откуда его позвали. Лишь только онъ услышалъ голосъ, какъ тотчасъ бросился, оттолкнувъ по дорогѣ жандармовъ съ силою человѣка, устраняющаго препятствія, открылъ двери зала, и, вошедши въ камеру, гдѣ находились судьи и Мотэ, онъ остановился и ждалъ. Въ этотъ моментъ онъ зналъ только Мотэ, только его видѣлъ, только его слышалъ. Президентъ тихо предложилъ Мотэ приказать ему снять платье. Д. исполняетъ приказъ какъ-бы съ увлеченіемъ. Президентъ проситъ предложить ему, чтобъ онъ разсказалъ все, что дѣлалъ въ публичномъ сооруженіи. Послѣ предложеннаго вопроса Мотэ поставилъ его у стѣны. Д. вынимаетъ свой платокъ, приближаетъ его къ стѣнѣ и дѣлаетъ жестъ будто обтираетъ губы, повторяя на скоро этотъ жестъ нѣсколько разъ. Въ это время Мотэ подулъ ему въ глаза, и физіономія Д. выражаетъ глубокое удивленіе тому, что онъ находится въ совѣщательной камерѣ. Президентъ подходитъ къ нему и говоритъ: «Д...!, вы

раздѣлись предъ нами?» — Я не знаю, господинъ, отвѣтилъ Д...—Всѣ эти господа, продолжаетъ президентъ, васъ точно также видѣли, какъ и я. Посмотрите, вы совсѣмъ разстегнуты.—Господинъ, я ничего не помню,— отвѣчаетъ Д.

Судъ постановилъ: «принимая во вниманіе, что, если бы даже установлено было, что Д. совершилъ приписываемые ему факты, не была-бы достаточно установлена его моральная вмѣняемость; что изъ испытанія Мотэ, восходящаго къ прежнему времени, явствуетъ, что Д. часто подверженъ сомнамбулизму; что въ этомъ состояніи онъ не можетъ быть признанъ отвѣтственнымъ за свои дѣйствія, что это испытаніе подтверждается новымъ опытомъ, произведеннымъ въ совѣщательной камерѣ; что, при такихъ обстоятельствахъ, Д. не долженъ считаться отвѣтственнымъ за свои дѣйствія,— судъ отмѣняетъ обжалованный приговоръ и освобождаетъ Д. отъ послѣдствій обвиненія *).

И такъ мы провели двѣ категоріи уголовныхъ процессовъ. Въ одной изъ нихъ рѣчь идетъ объ искуственно вызваннымъ сомнамбулизмѣ съ цѣлію совершить преступленіе при помощи внушенія. Въ другой — о естественномъ сомнамбулизмѣ, подъ вліяніемъ котораго совершаются преступленія независимо отъ чужой воли. Этотъ естественный сомнамбулизмъ извѣстенъ въ гипнотической литературѣ подъ названіемъ *втораго состоянія*, т. е. состоянія патологическаго, въ противоположность нормальному. Переходъ отъ нормальнаго состоянія въ паталогическое совершается моментально и самымъ нечувствительнымъ образомъ. Внѣшній міръ перестаетъ существовать для сомнамбулиста. Онъ не видитъ ничего болѣе, кромѣ своей исключительно личной жизни. Онъ совершенно изолированъ въ средѣ, въ которой дѣйствуетъ.

*) *Liegeois* 576—580.

Онъ уходитъ, приходитъ и дѣйствуетъ точно также, какъ-бы совершенно обладалъ своими чувствами и своимъ умомъ. Человѣкъ, не предупрежденный о его состояніи можетъ перейти ему дорогу, можетъ встрѣтиться съ нимъ, не заподозривъ никакихъ особенныхъ явленій, характеризующихъ его дѣйствительное состояніе. Сомнамбулистъ ѣстъ, пьетъ, куритъ, одѣвается, гуляетъ, разъѣзжаетъ, раздѣвается и ложится спать въ привычное время, — и все это совершается не столько подъ вліяніемъ реальной заботливости, сколько вслѣдствіе автоматическаго импульса, какъ простаго результата выработанныхъ въ бодрственномъ состояніи привычекъ, продолжающихся во снѣ. Докторъ Мэнэ наблюдалъ такого больнаго во время ѣды: онъ ѣстъ какъ обжора, не разбирая, еле пережевывая пищу, глотая все, что ни попадается подъ руку, никогда не насыщаясь; пьетъ все, что ни подносятъ—вино, воду и что угодно, не обнаруживая никакихъ вкусовыхъ впечатлѣній. Льежуа говоритъ, что съ переходомъ изъ нормальнаго во второе состояніе становится просто непонятнымъ, какимъ образомъ существо сознательное, вмѣняемое, обладающее полнымъ сознаніемъ самого себя, превращается въ одну секунду въ слѣпое орудіе, въ автомата, послушнаго безсознательному авторитету своего мозга *).

Въ Россіи также имѣлъ мѣсто непреступнаго характера случай, переданный докторомъ Мочутковскимъ въ изслѣдованіи: «объ историческихъ формахъ гипноза 1888 г.» Одной больной, настойчиво требовавшей примѣненія гидротерапіи, д-ръ Мочутковскій совѣтывалъ прежде поѣхать въ Крымъ: «пріѣзжайте сюда для этого мѣсяца чрезъ два»—сказалъ онъ ей. Ровно чрезъ два мѣсяца больная вошла къ нему вмѣстѣ съ своею матерью во время пріема больныхъ. Мать передала ему, что дочь въ Крыму

*) *Liegeois* 606—608. Gilles de la Tourette 245—279. Lilienthal 70.

стала очень суетлива и разсѣяна, а затѣмъ безъ всякой надобности собралась въ Одессу. Дѣлая покупки въ магазинѣ, дочь вдругъ все бросила и, молча, выбѣжала оттуда. Мать послѣдовала за нею и подъ диктовку ея пріѣхали къ нему. Въ ожиданіи очереди, больная разговорилась съ сидѣвшимъ рядомъ съ нею господиномъ, который, въ теченіе 2-хъ часовой бесѣды, не нашелъ ни въ ея рѣчи, ни въ поведеніи ничего особенно страннаго. Войдя въ кабинетъ, говоритъ д-ръ Мочутковскій, больная сказала:— «я пріѣхала, что прикажете?» Поговоривъ минутъ 20 съ больной, которая удивительно логично разсуждала, и, сообразивъ, по намекамъ матери, въ чемъ дѣло, д-ръ Мочутковскій вдругъ говоритъ ей:—вы пріѣхали къ доктору, но вѣдь его нѣтъ дома. — «Это правда, я и не замѣтила, говоритъ больная. Кто-же вы?» — Я больной, ожидающій доктора. — Ну, подождемъ. Какъ онъ опоздалъ! Я уже ждала его въ той комнатѣ больше двухъ часовъ». — Если вы хотите его непремѣнно видѣть, то повернитесь, вотъ онъ входитъ въ дверь, сказалъ д-ръ Мочутковскій.—А, здравствуйте, докторъ, какъ вы долго не пріѣзжали; я думала, что вы вовсе не пріѣдете. Въ это время она хватается за ручку дверей и жметъ ее точно здороваясь съ д-мъ Мочутковскимъ *).

Такимъ образомъ субъектъ, который предъ посторонними лицами не обнаруживалъ ненормальности своей психической сферы, сразу обратилъ на себя вниманіе опытнаго врача, который тутъ же, новымъ способомъ внушенія, успѣлъ убѣдиться въ правильности блеснувшей ему мысли.

Я нѣсколько долѣе остановился на характеристикѣ втораго состоянія, такъ какъ оно имѣетъ для юристовъ особенное значеніе въ виду того, что въ этомъ состояніи

---

*) Объ историческихъ формахъ гипноза. Д-ръ О. О. Мочутковскій. Одесса 1888 г.

сомнамбулисты обнаруживаютъ непреодолимое влеченіе къ совершенію преступленій. Кража совершается въ видѣ устраненія попадающихся подъ руку вещей, которыя прячутся сомнамбулистомъ безразлично всюду, гдѣ ихъ только находитъ. Упорная наклонность обнаруживается въ этомъ состояніи къ самоубійству. Докторъ Мэнэ присутствовалъ при двухъ покушеніяхъ сомнамбулиста на самоубійство, и при одномъ изъ нихъ, при повѣшеніи, допустилъ процессъ его до послѣдней, возможной границы опыта, перерѣзавъ веревку въ тотъ моментъ, когда только что началось удушеніе. Встрѣчались также случаи убійства и поджога. Замѣчательно при этомъ то, что, послѣ совершенія этихъ злосчастныхъ дѣйствій, патологическое состояніе прекращается, и больной начинаетъ вновь свою обычную, нормальную жизнь, не сохраняя никакихъ вспоминаній о прожитомъ, патологическомъ періодѣ. Предъ судомъ онъ отрицаетъ совершенный имъ фактъ, о которомъ онъ не имѣетъ рѣшительно никакого понятія, не смотря на то, что участіе его для всѣхъ представляется очевиднымъ *). Отсюда ясно, какъ важны для юриста свѣдѣнія по этой части гипнотизма для того, чтобы имѣть возможность съ этой стороны изслѣдовать и распознавать истинный характеръ по внѣшнему виду преступныхъ, но по источнику и мотивамъ совершенно невмѣняемыхъ дѣйствій.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ преступными дѣяніями, совершенными или подъ вліяніемъ внушенія, или же въ состояніи естественнаго сомнамбулизма. Но въ области гипнотизма установлены не менѣе интересныя явленія, которыя относятся къ правильной оцѣнкѣ юристами доказательныхъ средствъ процесса, — оцѣнкѣ, почерпаемой не изъ общественнаго положенія лица, удо-

*) *Liegeois* 609—610.

стовѣряющаго извѣстное событіе, не изъ его нравственныхъ качествъ, а изъ его психическаго настроенія. Въ этомъ отношеніи профессоръ Бернгеймъ оказалъ несомнѣнную услугу юриспруденціи ученіемъ о такъ называемыхъ *ретроактивныхъ, обратно дѣйствующихъ галлюцинаціяхъ*. Бернгеймъ, а за нимъ Ладамъ и Льежуа, утверждаетъ на основаніи произведенныхъ опытовъ, что во время гипноза, а иногда и на яву, можно внушить человѣку, что онъ наблюдалъ извѣстное событіе, совершилъ извѣстный фактъ въ данное время и при данной обстановкѣ, и представленіе обо всемъ этомъ на столько рѣзко отмѣчается въ его мозгу, что оно дѣлается у него живымъ вспоминаніемъ дѣйствительной, непреложной реальности, которую онъ готовъ подтвердить самой торжественной присягой. Льежуа говоритъ, что посредствомъ внушенія обратно дѣйствующихъ галлюцинацій можно заставить видѣть совершеніе различныхъ преступленій. Гипнотики видятъ нападеніе, слышатъ крики ужаса, видятъ внушеннаго преступника и готовы разсказать все видѣнное и слышанное на судѣ, готовы принять присягу въ томъ, что разскажутъ одну истину, и дѣйствительно, по совѣсти, будутъ разсказывать только то, что видѣли, только то, что слышали *).

Бернгеймъ произвелъ слѣдующій опытъ. У одной интеллигентной больной Маріи Г. онъ, во время гипноза, узналъ, гдѣ она живетъ, и подробности о другихъ жильцахъ дома. Между прочимъ онъ узналъ также о томъ, что на первомъ этажѣ живетъ семейство, состоящее изъ отца, матери, нѣсколькихъ маленькихъ дѣвочекъ и стараго холостяка, живущаго у нихъ. И вотъ онъ дѣлаетъ ей слѣдующее внушеніе: «3 Августа около 3 часовъ послѣ обѣда вы пришли домой. Взобравшись на первый этажъ, вы услышали въ комнатѣ крикъ и взглянули

*) *Ladame* 55. *Liegeois* 648—651.

чрезъ щель. Вы увидѣли тамъ, что старый холостякъ посягаетъ на честь младшей дѣвушки, которая защищается, но онъ зажимаетъ ей ротъ. Вы все это видѣли и до того были поражены, что ушли въ свою квартиру и не смѣли ничего сказать. Когда вы проснетесь, то не думайте больше объ этомъ; не я вамъ объ этомъ сказалъ, это не сонъ, не воображеніе, вызванное мною во время магнетическаго сна; это въ дѣйствительности такъ и было, если впослѣдствіи начнется дѣло, и приступлено будетъ къ изслѣдованію преступленія, то вы скажете правду». Послѣ этихъ словъ Бернгеймъ далъ другое направленіе ходу галлюцинацій, сообщивъ имъ веселый характеръ, и послѣ пробужденія болѣе съ нею объ этомъ внушенномъ событіи не говорилъ. Чрезъ три дня Бернгеймъ пригласилъ своего друга Гриллона, извѣстнаго адвоката, чтобъ онъ принялъ на себя роль судебнаго слѣдователя. Въ отсутствіе Бернгейма она расказала послѣднему все происшествіе со всѣми подробностями, съ указаніемъ имени жертвы, преступника и въ точности часа дѣйствія. Она энергически поддерживаетъ свое показаніе въ полномъ сознаніи его вѣрности. Если ее позовутъ въ судъ присяжныхъ, то, какъ бы это ни было ей непріятно, она скажетъ правду, потому что такъ должно быть, она готова все это подтвердить присягою предъ Богомъ и людьми *).

Жиль де ла Туретъ приводитъ слѣдующій опытъ. На яву онъ говоритъ нѣкоей Ц. Два дня тому назадъ г. Х. былъ въ нашемъ отдѣленіи. — Что? говоритъ она, я его не видала. — Извените, вы его очень хорошо видѣли, онъ былъ такъ и такъ одѣтъ съ портфелемъ подъ мышкой, который онъ обыкновенно съ собой приноситъ. Припомните, пожалуйста. — Да, я полагаю, что это такъ. — Онъ съ вами говорилъ, глядя на часы, вы сами видѣли, что у него

*) *Bernheim* 233. Lilienthal 31.

серебрянные часы и золотое кольцо на пальцѣ. — Да, я вспоминаю очень хорошо объ этомъ. Послѣ этого подготовительнаго разговора Жиль де ла Туретъ продолжаетъ: — онъ вынулъ тогда изъ кармана свой наборъ съ хирургическими инструментами. Вы вспоминаете, что у меня въ прошломъ году украли такой же, — такъ вотъ тотъ наборъ былъ мой Г. Х. его укралъ у меня. Тотчасъ послѣ пробужденія Вашего, вы увидите, что войдетъ главный врачъ, который на этотъ разъ похожъ на г. Б. Вы ему укажете вора».

Разбудили Ц. Г. Б. входитъ. — Ахъ, говоритъ она Г-ну Б., который кажется ей главнымъ врачомъ: вамъ не слѣдуетъ пускать сюда болѣе г. Х., онъ «воръ». — Какъ это?—два дня тому назадъ онъ пришелъ въ залъ, и я очень ясно видѣла, что его наборъ тотъ самый, который въ прошломъ году украденъ былъ въ сальпетріерѣ. Я терпѣть не могу воровъ, и, прибавила она, могу васъ увѣрить, что это не первая его продѣлка *).

Ретроактивныя галлюцинаціи могутъ быть вызваны не только въ состояніи гипноза, но и на яву, у субъектовъ, предрасположенныхъ къ сомнамбулизму, въ особенности-же у дѣтей.

Изъ безчисленныхъ опытовъ, произведенныхъ и медиками и юристами, приведетъ слѣдующіе.

Льежуа, подъ вліяніемъ внушенія, сдѣланнаго въ состояніи гипноза, получилъ у дѣвицы П. долговое обязательство на 500 франковъ, за ея подписью и совершенно согласно требованіямъ ст. 1326 гражданскаго кодекса. Когда затѣмъ мать ея на яву предложила ей вопросъ о томъ, что она сдѣлала съ занятыми деньгами, о которыхъ она ей не сказала ни слова, она не знала, что отвѣтить, и въ замѣшательствѣ смотрѣла на Льежуа. Тотъ ей говоритъ: «это очень просто, вы положили деньги въ сбере-

*) Gilles de la Tourette. 145. Lilienthal. 32.

гательную кассу. Этотъ вкладъ удостовѣряется книжкою за №-мъ, которую вамъ вручили». Дѣвица П. даетъ своей матери отвѣтъ, который внушилъ Льежуа и который всецѣло принятъ ея сознаніемъ какъ выраженіе истины *).

Эти опыты производились въ особенности Бернгеймомъ и многими другими, и всюду—одни и тѣ же результаты. Люди, находящіеся въ бодрственномъ состояніи, дѣлаются похожими на дѣтей и слабоумныхъ, которые измышляютъ исторіи, воображая, что присутствовали при сценахъ, о которыхъ разсказываютъ, или совершили кражи и убійства, въ которыхъ обвиняются. **)

Интересны въ этомъ отношеніи метаморфозы, которыя производятся въ одномъ и томъ-же человѣкѣ подъ вліяніемъ ретроактивныхъ галлюцинацій. Это — явленія, извѣстныя подъ названіемъ *объективаціи типовъ*, которое далъ имъ Ш. Рише. Въ одномъ и томъ-же лицѣ истинный поэтъ быстро смѣняется великимъ трагикомъ, и каждый изъ нихъ выступаетъ съ поражащими монологами. Рише превращаетъ людей въ животныхъ, и одну и ту же женщину онъ проводитъ чрезъ разнообразные типы состояній. То она какъ крестьянка доитъ коровъ и производитъ разныя сельскія работы; то какъ актриса воспроизводитъ разныя сцены, иногда неприличнаго свойства и не подходящія къ характеру фигурирующаго въ качествѣ субъекта лица; то она какъ генералъ командуетъ войскомъ и даетъ военные приказы; то какъ священникъ она молится, благословляетъ другихъ и выражаетъ президенту республики надежду, что нечего бояться странѣ, во главѣ которой стоитъ такой честный человѣкъ; то какъ сестра милосердія она, крестясь, уходитъ въ госпиталь перевязывать больнымъ раны, ободряетъ и утѣшаетъ ихъ ***).

*) *Liegevis* 139. 135—139.
**) Ladame 56.
***) Lilinthal. 33. 34.

Замѣчательно то, что если лицо ставится въ различныя положенія возраста, даже характеръ письма его измѣняется сообразно возрасту, который оно по внушенію принимаетъ. Крафтъ-Эббингъ приводитъ 7 почерковъ одной дѣвушки, когда ей было 5, 6, 7, 8, 10, 15 и 20 лѣтъ, которыми она писала въ эти возрасты и которыя воспроизведены ею подъ вліяніемъ ретроактивныхъ галлюцинацій. *)

Довольно легко поддаются этого рода галлюцинаціямъ дѣти. Бернгеймъ въ своей клиникѣ производитъ различные опыты надъ дѣтьми. Онъ увѣряетъ одного ребенка, что онъ на такой-то площади встрѣтилъ такого-то человѣка (посѣтителя клиники), который ударилъ его хлыстомъ, и ребенокъ повторяетъ разсказъ съ нѣкоторыми измышленными подробностями, сопровождавшими этотъ фактъ. Его чрезъ нѣсколько минутъ никакъ нельзя разувѣрить въ томъ, что ему это разсказано другимъ: онъ серьезно убѣжденъ, что все, внушенное ему, есть дѣйствительный фактъ его жизни. Другія дѣти, присутствующія при внушеніи, на вопросъ о томъ, не разсказалъ-ли имъ тотъ объ этомъ фактѣ, начинаютъ другъ за другомъ разсказывать все происходившее на площади, какъ будто переданное имъ на самомъ дѣлѣ тѣмъ мальчикомъ въ такое-то время **). Мотэ читалъ въ медицинской академіи о ложныхъ показаніяхъ дѣтей предъ судомъ и раскрылъ предъ нею матеріалъ, доказывающій, съ какимъ убѣжденіемъ, съ какою точностью въ подробностяхъ, съ какою послѣдовательностью въ отвѣтахъ дѣти свидѣтельствуютъ на судѣ о фактахъ, которые существовали только въ ихъ воображеніи. ***) Г. Бернгеймъ, который первый началъ производить опыты внушенія обратнодѣйствующихъ гал-

*) *Krafft-Ebing.* Eine Experimentelle studie auf dem gebiete des hipnotismus 71.

**) *Bernheim.* 240—243.

***) *Ladame.* 57.

люцинацій, говоритъ, что мысль о нихъ вызвана у него Тисса-Эсларскимъ процессомъ, который, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, обратилъ на себя вниманіе всей Европы. Кто не помнитъ тринадцатилѣтняго мальчика, изолированнаго отъ родителей судебнымъ слѣдователемъ и помѣщеннаго у полицейскаго коммиссара; мальчика, который на судѣ уличалъ, съ несвойственнымъ такому возрасту упорствомъ, своего родного отца и своихъ единовѣрцевъ въ убійствѣ съ религіозною цѣлію. Бернгеймъ, который говоритъ, что оправдательный приговоръ суда обрадовалъ всѣхъ друзей Венгріи и цивилизаціи, допускаетъ гипотезу, что означенный мальчикъ, котораго ни несчастный отецъ своимъ жалкимъ видомъ, ни плачъ его единовѣрцевъ, ни мольбы и даже проклятія не могли побудить сказать правду, дѣйствовалъ подъ вліяніемъ ретроактивныхъ галлюцинацій, вызванныхъ у него судебнымъ слѣдователемъ и полицейскимъ коммиссаромъ, и показывалъ то, что ему врѣзалось въ мозгу путемъ внушенія и казалось отраженіемъ дѣйствительныхъ фактовъ, имъ наблюденныхъ и на судѣ, по доброй совѣсти, воспроизведенныхъ. *) Извѣстенъ случай изъ судебной практики Франціи, гдѣ ярко нарисованная повѣреннымъ гражданскаго истца картина убійства вызвала въ подсудимомъ сильное душевное волненіе, и когда тотъ окончилъ фразу: «и не видите-ли, что онъ на самомъ дѣлѣ не можетъ переступить порогъ этихъ дверей, что непобѣдимый страхъ держитъ его въ отдаленіи, ибо, не ровенъ часъ, трупъ вдругъ воодушевится и, сдѣлавъ послѣднее усиліе, подыметъ руку и пальцемъ укажетъ на убійцу», — подсудимый зашевелился на скамьѣ и крикнулъ задыхающимся голосомъ: «ахъ, Боже, я, это — я...», но, опомнившись, закончилъ: «это я, котораго обвиняютъ». Это сынъ мирового судьи обвинялся въ убій-

*) *Bernheim.* 236—237.

ствѣ своей матери, и Льежуа находитъ, что обвинительный приговоръ былъ произнесенъ благодаря впечатлѣнію, произведенному этой сценой на судей *). Другой случай обвиненія имѣлъ мѣсто въ ноябрѣ 1868 г. по отношенію къ обвиняемой въ убійствѣ новорожденнаго, и приговоръ вошелъ въ законную силу, но прокурору еще осталось срока на обжалованіе. Этимъ срокомъ онъ воспользовался, когда, ко времени исполненія приговора, обнаружилось, что осужденная еще вовсе не родила, и высшій судъ ее оправдалъ 18 января 1869 г. Что же оказалось? Подъ вліяніемъ акушерки и родныхъ, подсудимая подтвердила совершеніе ею преступленія еще съ различными подробностями, которыя согласны были съ показаніями акушерки о томъ, что она родила ребенка **). Вотъ какія послѣдствія могутъ быть отъ того, что нѣтъ опытнаго знанія явленій, ускользающихъ отъ вниманія юристовъ, но получившихъ право гражданства въ медицинской литературѣ.

Чтобъ закончить матеріалъ гипнотическихъ явленій, мы должны остановиться еще вкратцѣ на такъ называемыхъ *отрицательныхъ галлюцинаціяхъ*. Въ состояніи сомнамбулизма можно, какъ мы видѣли, вызвать опредѣленныя, положительныя представленія о предметѣ, несуществующемъ въ дѣйствительности. Это подтверждаетъ примѣръ, приведенный докторомъ Мочутковскимъ Можно заставить видѣть сомнамбулиста изображенія на бѣломъ картонѣ фотографическихъ карточекъ разныхъ знакомыхъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ истерическая особа въ Сальпетріерѣ, которая изъ мнимыхъ карточекъ составила себѣ такимъ образомъ цѣлый альбомъ. Можно отдалить внушеніе на болѣе или менѣе продолжительное время. Извѣстенъ опытъ Льежуа, который внушилъ больному явиться

*) *Liegeois*. 570—536.
**) *Liegeois*. 662—663.

чрезъ годъ въ опредѣленный часъ въ кабинетъ Льебо, гдѣ онъ у библіотечнаго шкафа увидитъ президента республики и долженъ его поблагодарить за полученную награду. Чрезъ годъ Льежуа получилъ отъ Льебо карточку, въ которой тотъ извѣстилъ, что сомнамбулистъ въ точности исполнилъ внушеніе и очень почтительно отнесся къ невидимому другимъ, но ему одному видимому президенту *). Отрицательныя галлюцинаціи составляютъ обратное явленіе: внушаютъ сомнамбулисту во время гипноза, чтобы онъ, съ пробужденіемъ, даннаго лица не видѣлъ и не слышалъ, чтобы шумъ такого-то предмета не достигалъ его слуха. Съ пробужденіемъ, дѣйствительно данное лицо перестаетъ для него существовать, хотя продолжаетъ присутствовать вмѣстѣ съ другими. Не только самое лицо не существуетъ, но и ни какое дѣйствіе его не оказываетъ на сомнамбулиста никакого вліянія: уколъ кожи сомнамбулиста, этимъ лицомъ сдѣланный, остается не чувствительнымъ. Если данное лицо становится въ дверяхъ, чрезъ которыя долженъ пройти сомнамбулистъ, послѣдній, наталкиваясь на его тѣло, отскакиваетъ въ испугѣ, но не видитъ его. Если этому лицу кто-нибудь изъ присутствующихъ подаетъ шляпу, которую оно надѣваетъ, то сомнамбулисту, къ величайшему удивленію, она кажется висящею въ воздухѣ. Еще страннѣе и смѣшнѣе показывается сомнамбулисту, когда данное лицо одѣваетъ къ тому шинель, или снимаетъ шляпу, кланяясь, а сомнамбулистъ видитъ только шляпу и описываемую его кривую линію въ воздухѣ. Если внушатъ сомнамбулисту, что шумъ литавровъ не долженъ быть слышенъ для него, то не смотря на то, что въ обыкновенное время малѣйшій шумъ ихъ приводитъ его въ каталептическое состояніе, онъ, послѣ внушенія, не почувствуетъ

*) Lilienthal 19—52, 21.

ни малѣшаго даже содраганія, хотя-бы ударяли въ нихъ надъ самымъ ухомъ испытуемаго субъекта *).

И такъ, вотъ весь матеріалъ, почерпнутый изъ гипнотической литературы, который долженъ служить почвою для изслѣдованія юридическихъ вопросовъ, имѣющихъ близкую связь съ новою областью явленій. За признаніемъ реальности послѣднихъ, для юристовъ, конечно, представляется чрезвычайно важнымъ опредѣлить ихъ отношеніе къ общественной безопасности, выяснить вопросъ объ уголовной вмѣняемости дѣяній, совершенныхъ подъ вліяніемъ внушенія, о судебныхъ средствахъ къ открытію и изслѣдованію истины, о роли экспертизы въ этихъ дѣлахъ и т. п.

Но прежде, чѣмъ перейдемъ къ этимъ вопросамъ, мы должны очистить путь къ постановкѣ ихъ, должны устранить свойственный юристамъ скептицизмъ относительно возможности симуляціи сказанныхъ явленій. Чтобы не получить упрека въ обходѣ этого вопроса, который занималъ также и медиковъ, я долженъ вкратцѣ, въ успокоеніе скептицизма, установить, что отсутствіе симуляціи стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія и что есть средства изслѣдовать ее, если-бы въ этомъ представилась надобность.

Вопросъ о симуляціи возникъ прежде всего въ силу различія во взглядахъ на характеръ гипнотизма, господствующихъ въ двухъ приведенныхъ нами школахъ. Школа Шарко, не знающая никакого гипнотизма внѣ установленныхъ ею классическихъ формъ и сопровождающихъ ихъ физическихъ признаковъ, во всѣхъ прочихъ формахъ гипноза видитъ одну симуляцію. Но на это справедливо замѣчаютъ противники, что невозможно, чтобы въ различныхъ

---

*) *Д-ръ Поль-Рише.* Русскій переводъ подъ редакціей профессора П. И. Ковалевскаго. Клиническій очеркъ большой истеріи или истероэпилепсіи. 427—429. *Bernheim* 62—65.

странахъ и у различныхъ народовъ больные, какъ бы по-сговору, симмулировали одинаковымъ образомъ. Льебо производилъ опыты надъ 7000 человѣкъ, и надъ всѣми ими обнаруживались одни и тѣ же явленія. Бернгеймъ испытывалъ чувствительность гипнотиковъ посредствомъ сильнаго электрическаго тока, противъ котораго симуляція безсильна. Затѣмъ, испытуемые субъекты, принадлежа большею частью къ низшему классу, для симуляціи, должны были бы обладать обширными познаніями по разнымъ медицинскимъ наукамъ. Бине и Фере также не отрицаютъ отсутствія симуляціи въ опытахъ Нансійцевъ, но утверждаютъ, что, если бы ихъ пригласили къ судебно-медицинской экспертизѣ надъ однимъ изъ субъектовъ въ частности, они, по совѣсти, не могли бы сказать, имѣютъ-ли дѣло съ явленіемъ реальнымъ, или ложнымъ. Но, въ такомъ случаѣ,—справедливо замѣчаетъ Ладамъ,—нѣтъ основанія и для экспертизы психіатрической, которая также имѣетъ дѣло съ открытіемъ истины, не смотря на отсутствіе во многихъ случаяхъ физическихъ признаковъ *). Независимо отъ этого, существуютъ въ настоящее время различные аппараты, устраняющіе возможность симуляціи. Таковы: гипноскопъ Охоровича, служащій для открытія гипнотической чувствительности субъекта; остроумный приборъ Марея, который, мимоходомъ говоря, описывается самимъ Шарко **),—приборъ, одновременно примѣняемый къ симулянту и каталептику для одновременнаго изслѣдованія постепеннаго измѣненія силы мускульной и дыханія у перваго и одинаковости ея у послѣдняго. Въ каталептическомъ состояніи можно вызвать извѣстнымъ жестомъ соотвѣтственное выраженіе лица: приложеніемъ руки къ губамъ—улыбку, сжатіемъ кулака—выраженіе угрозы, скрещиваніемъ рукъ на груди—выраженіе молящагося. И на оборотъ, извѣстное выраженіе лица вызываетъ соотвѣт-

*) *Ladame* 61—66. *Liegeois* 671—678. Lilienthal 112.
**) Oeuvres completes de I. M. Charcot. III, p. 18.

ственный жестъ. Эти явленія, конечно, устраняютъ всякую возможность симуляціи, въ особенности, когда смѣшанными жестами вызываютъ смѣшанное выраженіе лица, въ дѣйствительности не встрѣчающееся и представляющееся довольно страннымъ. Но если это состояніе не можетъ служить возраженіемъ противъ школы Шарко, такъ какъ оно относится къ установленнымъ ею формамъ, то въ области сомнамбулизма, на нашъ взглядъ, можно указать на вызванныя впервые опытами профессора Бергера (изъ Бреславля) явленія эхолаліи, или голосового эхо, состоящія въ томъ, что приложеніемъ одной руки ко лбу, а другой къ затылку погруженнаго въ гипнозъ субъекта, превращаютъ его въ фонографъ, который повторяетъ прозу и стихи, произнесенные на греческомъ, латинскомъ, еврейскомъ и другихъ языкахъ совершенно машинально и съ замѣчательною точностью, съ сохраненіемъ лишь своего акцента. Здѣсь симуляція немыслима. Наконецъ, остроумныя изслѣдованія Бони относительно опредѣленія чувствительности слуха и осязанія, не менѣе серьезныя изслѣдованія Бине и Фере о галлюцинаціи зрѣнія и опыты такъ называемой односторонней галлюцинаціи, которая, при помощи магнита, точно также какъ контрактура и истерическій параличъ, переносится съ одной стороны сомнамбулиста на другую, и многія другія сложныя операціи, производимыя надъ сомнамбулистами, вполнѣ устраняютъ возможность симуляціи и даютъ всѣ средства для ея изслѣдованія въ случаѣ сомнѣнія *).

Устранивъ вопросъ о симуляціи, мы должны перейти къ обсужденію необходимости установленія законодательныхъ мѣръ въ интересахъ предотвращенія угрожающей общественному спокойствію опасности отъ вредныхъ послѣдствій гипнотизма, практикуемаго на публичныхъ сеансахъ и не съ терапевтическою, или научною цѣлью. Ко-

*) *Поль-Рише* 385—392, 401—402. *Ladame* 61—66.

миссіями, назначенными въ разныхъ случаяхъ, для изслѣдованія этого вопроса, выяснено, что публичность гипнотическихъ представленій, равно и гипнотизированіе не съ цѣлію терапевтическою и научною, должны быть воспрещены закономъ. Въ частныхъ интимныхъ сеансахъ всегда почти имѣло мѣсто посягательство на честь и стыдливость женщины, а на публичныхъ сеансахъ гипнотизмъ всегда оказывалъ вредное вліяніе на нервныхъ особъ, какъ подвергавшихся гипнозу, такъ и изъ присутствовавшей на сеансахъ публики. Публичныя представленія Ганзена въ Рингтеатрѣ въ Вѣнѣ, Донато въ Швейцаріи и Италіи обратили на себя общественное мнѣніе сопровождавшимися ихъ скандалами и очевидными вредными послѣдствіями. Ломброзо обратилъ вниманіе Европы на то, что въ Италіи Донато своими представленіями вызвалъ во многихъ городахъ гипнотическую эпидемію. Многіе сдѣлались жертвою сеансовъ. Одинъ артиллерійскій офицеръ сошелъ съ ума: каждый разъ, когда онъ встрѣчался съ блестящимъ предметомъ, онъ впадалъ въ естественный сомнамбулизмъ. Разъ онъ чуть не попалъ подъ экипажъ съ зажженными фонарями, если бы капитанъ его баттареи не удержалъ его. При этомъ онъ получилъ сильный истерическій припадокъ и слегъ въ постель. Офицеры и студенты не могли освобождаться отъ внушенія быть объектомъ гипнотическихъ операцій. Многіе изъ публики во время сеансовъ впадали въ гипнотическое состояніе въ самомъ залѣ представленій.

Не менѣе опасны по послѣдствіямъ были и представленія Ганзена. Они до того сообщили эпидемическій характеръ опытамъ гипноза, что дѣти стали упражняться въ гипнотизмѣ, называя эти упражненія «Ганзенскою игрою». Два шалуна въ Бреславлѣ упражнялись въ этой игрѣ, и она окончилась тѣмъ, что одинъ изъ нихъ впалъ въ истерію. Мальчикъ оставался въ этомъ состоя-

ніи около четырехъ часовъ безъ всякихъ признаковъ жизни, и несчастные родители были въ отчаяніи. Нѣтъ надобности въ перечисленіи всѣхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о вредѣ публичности сеансовъ на общественное здоровье: и сказанныхъ совершенно для этого достаточно.

Но, независимость вреда для общественнаго здоровья, дозволеніе занятій гипнотизмомъ всякому имѣетъ еще другую вредную сторону, а именно — организованную эксплоатацію публики обѣщаніемъ вылѣчивать отъ разныхъ болѣзней съ присоединеніемъ къ тому открытія тайнъ и предсказаній будущаго. Во Франціи, въ особенности въ Парижѣ, со временъ Месмера, открывались различные кабинеты для магнетическаго лѣченія больныхъ; образовывались различныя общества, и магнетизмъ практиковался различными недозволенными пріемами эксплоатаціи публики. До суда такія дѣла доходили только вслѣдствіе того, что вмѣстѣ съ лѣченіемъ больныхъ, кабинеты посредствомъ своихъ сомнамбулъ давали отвѣты ревнивымъ женамъ на счетъ невѣрности мужей. На одномъ изъ такихъ уголовныхъ процессовъ супруги Монгрюэль вмѣстѣ съ врачемъ Грабовскимъ и фармацевтомъ Соколовскимъ были признаны виновными: первые — въ устройствѣ лѣчебнаго кабинета безъ всякаго на это права, а послѣдніе — въ сообществѣ съ ними, предоставленіемъ въ ихъ распоряженіе своего имени и званія для достиженія преступныхъ цѣлей. Можно себѣ представить размѣры эксплоатаціи, когда подобнаго рода кабинеты въ состояніи были держать на жалованіи лѣчебный персоналъ *).

На нашъ взглядъ публичность гипнотическихъ представленій имѣетъ чрезвычайно вредную сторону еще и въ популяризаціи опытовъ внушенія. Если сила внушенія со всѣми его послѣдствіями сдѣлается популярной въ массѣ,

*) *Gilles de la Tourette* 365—469. Ladame 16—17.

невѣжественной и склонной къ преступнымъ дѣйствіямъ, его вредъ для общественной безопасности окажется неизмѣримымъ: посягательства на чужую честь, внушеніе разнаго рода преступленій, подготовленіе ложныхъ свидѣтелей сдѣлаются дѣломъ обыкновеннымъ.

Въ этихъ видахъ правительства запрещали публичность магнетическихъ сеансовъ и довѣрили занятіе магнетизмомъ исключительно врачамъ. Людовикъ XVI, въ 1784 г., послѣ того, какъ ему сдѣланъ былъ секретный докладъ комиссіи, учрежденной для изслѣдованія животнаго магнетизма, призналъ вредность занятія имъ въ интересахъ общественнаго здравія. Въ первой четверти XIX-го столѣтія занятія магнетизмомъ были предоставлены исключительно врачамъ въ Пруссіи, Швеціи и Даніи, а въ этой послѣдней коллегія здравія подчинила магнетизмъ медицинской практикѣ согласно условіямъ, выработаннымъ въ Россіи. У насъ, къ тому же времени, Императоръ Александръ I-й учредилъ комиссію для изслѣдованія магнетизма, которая нашла съ своей стороны, что послѣдній имѣетъ чрезвычайно важное значеніе и что именно, въ виду этой важности, онъ долженъ быть практикуемъ только учеными врачами. Императоръ Александръ I, раздѣляя по этому предмету мнѣніе комиссіи, издалъ указъ въ приведенномъ смыслѣ *).

Если въ то время, когда животный магнетизмъ еще не былъ поставленъ на научную почву, и занятіе имъ находилось въ рукахъ спеціалистовъ, правительства считали себя вынужденными учреждать комиссіи и издавать ограничительныя постановленія, то тѣмъ болѣе такое вмѣшательство необходимо теперь, когда гипнотическія явленія составляютъ реальный фактъ, достаточно изученный и распространенный, который въ рукахъ злонамѣренныхъ людей можетъ принять чрезвычайно опасный характеръ

*) *Ladame* 31. *Gilles de la Tourette* 453—454.

для общественной безопасности. Съ этою цѣлію публичность гипнотическихъ представленій въ настоящее время уже воспрещены въ Австріи, Италіи, Даніи и многихъ кантонахъ Швейцаріи *), т. е. во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ Европы, гдѣ публичныя представленія гипноза дали въ результатѣ описанныя выше гибельныя послѣдствія. Ладамъ полагаетъ, что будучи полезны съ точки зрѣнія научной и медицинской, гипнотическія явленія должны быть предметомъ изслѣдованія однихъ медиковъ-спеціалистовъ, которые, въ свою очередь, должны быть подчинены особымъ правиламъ, имѣющимъ примѣненіе къ такого рода опытамъ и упражненіямъ **).

Если въ вопросѣ о воспрещеніи законодательными нормами публичности гипнотическихъ представленій и дозволеніи занятій гипнозомъ исключительно для медицинскихъ и научныхъ цѣлей мы не находимъ разнорѣчія между авторитетами гипнотической литературы, то въ вопросѣ о вмѣняемости сомнамбулистамъ преступныхъ дѣяній мы не встрѣтимся съ такимъ единодушіемъ, какое, по всей справедливости, должно было-бы имѣть мѣсто при разрѣшеніи его. Казалось-бы, что за признаніемъ въ дѣйствіяхъ сомнамбулистовъ машинальности автомата, безсознательно исполняющаго чужую волю и не властнаго въ сопротивленіи ея приказамъ, слѣдовало-бы признать полную невмѣняемость ихъ дѣяній,—однако мы встрѣчаемся съ крайне оригинальными мнѣніями какъ медиковъ, такъ и юристовъ, которые, не желая смотрѣть прямо въ глаза истинѣ, прикрываются софизмами, или вовсе уклоняются отъ логичнаго рѣшенія вопроса.

Фодэрэ полагаетъ, что преступленія, совершенныя лицами, находящимися въ состояніи естественнаго сомнамбулизма, должны считаться вмѣняемыми, такъ какъ они во снѣ исполняютъ планы, задуманные ими на яву. Тотъ,

*) *Ladame* 7. *Теперь также и у насъ.*
**) *Ladame* 18—19.

чье поведеніе совпадаетъ съ соціальнымъ долгомъ, говоритъ Фодэрэ, никогда не согрѣшитъ, когда останется одинъ съ своею душой. Напротивъ, кто на яву только то и дѣлаетъ, что думаетъ о разныхъ преступленіяхъ, тотъ во снѣ и практикуетъ свои преступныя наклонности. Поэтому преступленія, совершенныя сомнамбулистами во снѣ, слѣдуетъ разсматривать какъ естественное послѣдствіе исповѣдуемыхъ ими на яву принциповъ и идей и считать ихъ дѣйствія тѣмъ болѣе свободными, что совершаются безъ всякаго давленія, безъ внушенія съ чьей-либо стороны. Фодэрэ дѣлаетъ одно только исключеніе относительно тѣхъ случаевъ, когда къ сомнамбулизму присоединяется еще болѣзнь, или такіе припадки, которые во снѣ превращаютъ его въ сумасшедшаго. Но и тогда сомнамбулистъ не можетъ быть вполнѣ освобожденъ отъ отвѣтственности, когда доказано, что онъ зналъ не только о болѣзни, которой онъ подверженъ, но еще о ея опасномъ характерѣ, и при этомъ не принималъ никакихъ мѣръ предосторожностей съ цѣлью предупредить вредныя послѣдствія своихъ дѣйствій *).

Это мнѣніе представляется въ высшей степени ригористическимъ. Изъ него видно, что, по отношенію къ искусственному сомнамбулизму, дѣйствія, вызванныя внушеніемъ посторонняго лица, должны быть признаны невмѣняемыми. Въ этомъ случаѣ Фодэрэ признаетъ безсознательное совершеніе дѣйствій подъ вліяніемъ чужой воли, которой невозможно сопротивляться. Но если это такъ, то спрашивается, какое собственно основаніе имѣетъ Фодэрэ къ тому, чтобы дѣлать такое существенное различіе въ характерѣ дѣйствій, совершенныхъ въ состояніи естественнаго и искусственнаго сомнамбулизма? Впадая въ естественный сомнамбулизмъ, человѣкъ дѣйствуетъ такъ же безсознательно и съ такою же непреодолимою силою,

*) *Ladame* 21. *Liegeois* 602—603.

какъ въ состояніи искусственнаго сомнамбулизма. Внушеніе, имѣющее роковое значеніе въ послѣднемъ, замѣняется въ естественномъ сомнамбулизмѣ другими неуловимыми, но не менѣе роковыми силами, чѣмъ внушеніе. Если даже признать, что дѣйствія эти составляютъ результатъ выработанныхъ сомнамбулизмомъ принциповъ, если даже допустить, что можно въ такой степени заглянуть въ чужую душу, чтобы привести въ связь дѣйствія человѣка съ затаенными его замыслами, то и тогда все-таки дѣйствія его совершаются въ состояніи безсознательномъ, когда онъ не въ состояніи управлять своей волею. Напротивъ, если при выработанности дурныхъ принциповъ, сомнамбулистъ осуществляетъ ихъ только въ состояніи безсознательномъ, то это доказываетъ, что онъ въ сознательномъ состояніи овладѣваетъ своими безнравственными наклонностями и не даетъ имъ проявиться во внѣшнихъ дѣйствіяхъ. При томъ, карательный законъ имѣетъ дѣло не съ мыслями, намѣреніями и душевнымъ настроеніемъ, а съ сознательными дѣйствіями: наказывать же человѣка за то, что онъ думалъ, а не за то, что онъ сознательно сдѣлалъ, значило-бы нарушить коренное начало уголовнаго права. Фодэрэ очень понравилась мотивировка казни однимъ римскимъ императоромъ своего придворнаго. Послѣдній въ интимномъ разговорѣ съ своимъ властелиномъ передалъ, что ему приснилось, что онъ его убилъ.—Казнить его, вскричалъ императоръ, потому что если бы онъ не думалъ объ этомъ на яву, ему-бы это не грезилось во снѣ. Этотъ мотивъ дѣйствительно любопытенъ, но не съ точки зрѣнія юридической. Въ сравненіи съ римскимъ императоромъ Фодэрэ, конечно, еще очень снисходителенъ, если требуетъ наказанія сомнамбулиста, по крайней мѣрѣ, за то, что имъ уже сдѣлано, хотя и въ безсознательномъ состояніи.

Невѣрна также, по нашему мнѣнію, гипотеза Фодэрэ о внутренней связи между дѣйствіями сомнамбу-

листа и его душевнымъ настроеніемъ. Мы видѣли прежде, что сомнамбулисты обнаруживаютъ склонность къ самоубійству, хотя бодрственное состояніе не указываетъ на то, чтобы они объ этомъ ранѣе думали; мы видѣли также, что совершаемые сомнамбулистами кражи заключаются въ безсознательномъ устраненіи попадающихся на пути предметовъ, и разъ въ этомъ состояніи дѣйствіе сомнабмулиста является результатомъ, если можно такъ выразиться, автоматическаго рефлекса, то не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы сомнамбулистъ о нихъ думалъ на яву. Вообще теорія Фодэрэ о внутренней связи между дѣйствіями въ состояніи естественнаго сомнамбулизма и мыслями его въ бодрственномъ состояніи не выдерживаютъ никакой критики.

Мнѣніе Фодэрэ объ ограниченной отвѣтственности сомнамбулистовъ, въ случаяхъ присоединенія припадковъ сумашествія, за непринятіе мѣръ предосторожности, раздѣляетъ и Гофбауеръ *). Но на это Бріанъ и Шодэ справедливо замѣчаютъ, что если признать этотъ взглядъ вѣрнымъ, то и тогда сомнамбулистовъ слѣдовало-бы подвергать наказанію лишь за непринятіе мѣръ предосторожности, но не за совершенныя ими преступныя дѣянія **).

Другой ученый Ладамъ, который споритъ противъ мнѣнія Фодэрэ и Гофбауера, въ сущности не далеко отъ нихъ уходитъ. По его мнѣнію сомнамбулисты не могутъ быть признаны невмѣняемыми только потому, что совершили преступленіе въ состояніи сомнамбулизма. Онъ не указываетъ никакихъ положительныхъ основаній для такого вывода, хотя самъ приводитъ мнѣніе такого авторитета, какъ Крафтъ-Эббингъ, который совершенно справедливо говоритъ, что для невмѣняемости даннаго лица

*) Тамъ же.
**) *Liegeois* 605.

недостаточно только одного доказательства того, что оно сомнамбулистъ, а необходимо доказать еще, что самое преступное дѣяніе совершено въ состояніи сомнамбулизма *). Этотъ выводъ понятенъ всякому благомыслящему человѣку. Но для Ладама доказательство того, что преступное дѣяніе совершено въ состояніи сомнамбулизма, само по себѣ еще недостаточно для признанія невмѣняемости обвиняемаго. Для этого послѣдняго необходимо, по его мнѣнію, доказать еще, что сомнамбулистъ страдалъ болѣе тяжкою, нервною болѣзнію, симптомомъ которой только является сомнамбулизмъ. Ладамъ думаетъ, что сомнамбулизмъ не можетъ считаться такимъ автоматичнымъ состояніемъ, какъ каталепсія. Сомнамбулисты представляются ему въ извѣстной степени свободно дѣйствующими: нѣкоторые сомнамбулы подчиняются внушенію не безъ протеста, а иногда совершенно отказываются исполнить его; другіе рѣшаютъ довольно сложныя задачи, исправляютъ ошибки и сочиняютъ даже литературныя произведенія, отличающіяся большимъ совершенствомъ. На этомъ основаніи онъ полагаетъ, что a priori нельзя рѣшить вопроса о невмѣняемости дѣйствій, совершенныхъ въ состояніи сомнамбулизма, а необходимо искать болѣе вѣскихъ мотивовъ для признанія невмѣняемости, а именно — въ уничтоженіи сознанія, въ совершенномъ забвеніи на яву всего совершеннаго въ состояніи сомнамбулизма и въ другихъ явленіяхъ. Вообще, сомнамбулисты должны быть приравнены къ душевно-больнымъ и, съ точки зрѣнія судебной медицины, должны быть поставлены въ одинаковыя съ ними условія, противъ нихъ должны быть принимаемы мѣры къ предупрежденію вреда, который можетъ быть нанесенъ ими другимъ лицамъ *).

---

*) *Ladame* 26.

**) *Ladame* 23, 24, 25.

Такимъ образомъ Ладамъ близко подходитъ къ Фодэрэ тѣмъ, что для признанія невмѣняемости и онъ требуетъ чего-то болѣе, чѣмъ совершеніе преступленія въ состояніи сомнамбулизма. На послѣднее онъ смотритъ какъ на симптомъ болѣе тяжкой болѣзни, которая для невмѣняемости должна ставить сомнамбулиста въ положеніе душевно-больного. Отыскиваніе имъ болѣе глубокихъ мотивовъ невмѣняемости не удаляетъ его отъ Фодэрэ, а доказываетъ только, что онъ не выяснилъ себѣ вполнѣ вопроса о вмѣняемости дѣйствій сомнамбулиста.

И въ самомъ дѣлѣ найденная имъ свобода дѣйствій сомнамбулизма, выражающаяся въ сопротивленіи волѣ внушителя, не оправдывается тѣми несомнѣнно доказанными фактами, что кажущаяся свобода зависитъ отъ слабости воли гипнотизатора. При болѣе выработанномъ методѣ послѣдняго испытуемый субъектъ вполнѣ подчиняется его волѣ. Что же касается другихъ кажущихся основанными на свободѣ дѣйствій сомнамбулиста, выражающихся въ рѣшеніи сложныхъ задачъ, составленіи сочиненій и т. п., то это соображеніе Ладама основано на неправильномъ пониманіи характера этихъ дѣйствій. Они представляются настолько-же свободными, насколько, напримѣръ, представляются свободными фонографически передаваемая сомнамбулистами проза и поэзія на разныхъ языкахъ въ случаѣ приложенія одной руки ко лбу, а другой—къ затылку, или написаніе диктовки различными почерками, соотвѣтствующими различнымъ возрастамъ испытуемаго сомнамбулиста, или истерическій припадокъ отъ вынужденнаго исполненія внушеннаго дѣйствія, противорѣчащаго нравственнымъ наклонностямъ сомнамбулиста. Съ внѣшней стороны наблюдается какъ-бы воспринятіе рѣчей и передача ихъ; какъ-бы призывъ вспоминаній дѣтства и другихъ возрастовъ и обнаруженіе соотвѣтственныхъ имъ дѣйствій; какъ-бы нежеланіе совершить противное нравственному чувству дѣяніе. Въ сущности же мы

имѣемъ дѣло съ машинальными дѣйствіями фонографа; съ клавишами, затрогивающими положенія различныхъ возрастовъ и дѣлающими машинально свое дѣло; съ припадками, вызванными такъ-же безсознательно, какъ пузырный нарывъ отъ простой папиросной бумаги, какъ рана отъ обжога, вызванная внушеніемъ. Безсознательная сфера, предоставленная самой себѣ, очевидно дѣйствуетъ интенсивнѣе, смѣлѣе, ловче и какъ-бы цѣлесообразнѣе даже, чѣмъ въ состояніи сознанія; но именно потому, что въ этомъ послѣднемъ состояніи тотъ же субъектъ не въ силахъ воспроизвести тѣхъ-же дѣйствій, слѣдуетъ признать машинальность ихъ въ состояніи безсознательности. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о свободѣ дѣйствій по самоопредѣленію воли, а, слѣдовательно, и не можетъ быть и рѣчи о вмѣняемости.

Не меньшею неопредѣленностью отличается мнѣніе Бордосскихъ юристовъ, данное по запросу доктора Азама, эксперта по дѣлу о преступленіи, совершенномъ въ состояніи естественнаго сомнамбулизма. Коллективное мнѣніе ихъ гласитъ: «въ принципѣ, говорятъ юристы, сомнамбулисты должны быть признаны отвѣтственными за свои дѣйствія, потому что легальная отвѣтственность покоится на принципѣ человѣческой свободы и не требуетъ ничего, кромѣ проявленія воли, управляющей дѣйствіями человѣка. А такъ какъ въ состояніи естественнаго сомнамбулизма воля не парализуется и субъектъ не чувствуетъ никакой ощутительной перемѣны, за исключеніемъ уничтоженія одной памяти, то посему, полагаютъ юристы, сомнамбулисты должны быть подвергаемы ограниченной отвѣтственности». Они допускаютъ только одно исключеніе для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ память сомнамбулиста получаетъ существенное значеніе. Такъ, напр. если поклажа, полученная въ состояніи сомнамбулизма, впослѣдствіи не возвращается, то сомнамбулистамъ не

можетъ быть вмѣняемо желаніе присвоить себѣ поклажу *). Юристы эти, очевидно, не отдали себѣ отчета въ различіи между нормальнымъ и патологическимъ состояніемъ субъекта. Экспертъ ясно показалъ, что, съ переходомъ во второе состояніе, совершается, хотя и не бросающійся въ глаза, переворотъ, но превращающій существо сознательное въ совершенно безсознательное, дѣйствующее машинально и только по внѣшнему виду управляющее своими дѣйствіями. Утверждая, что за нежеланіе возвратить принятую поклажу сомнамбулистъ не отвѣчаетъ въ порядкѣ уголовномъ, юристы эти очевидно сознаютъ, что въ нормальномъ состояніи сомнамбулистъ не долженъ отвѣчать за то, что совершено имъ въ состояніи патологическомъ, но прикрываются потерею памяти, установленною экспертомъ. Но намъ кажется, что выраженіе—«потеря памяти» слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, что субъектъ въ состояніи сомнамбулизма сознавалъ свои дѣйствія, а потомъ, съ пробужденіемъ, забылъ о нихъ, а въ томъ лишь, что въ нормальномъ состояніи онъ не можетъ имѣть никакого представленія о томъ, что онъ сдѣлалъ въ состояніи патологическомъ. Это весьма естественно, потому что все, что дѣлается машинально, не принимается сознаніемъ, не сознается одинаково и прежде, когда продолжалось патологическое состояніе, и послѣ, когда наступаетъ нормальное. Терминологія медиковъ намъ представляется не точною, не соотвѣтствующей тому, что имъ желательно было выразить, а потому она вводитъ въ заблужденіе юристовъ, готовыхъ уже придумать остроумное примѣненіе невмѣняемости въ случаяхъ поклажи, въ которыхъ представляется съ точки зрѣнія юридической возможнымъ отдѣлить начальный моментъ дѣйствія отъ конечнаго, собственно и скрывающаго въ себѣ уголовный элементъ.

---

*) *Liegeois* 610—614.

Жиль де Латуретъ и нѣкоторые другіе признаютъ совершенную невмѣняемость сомнамбулистамъ ихъ дѣйствій; но они полагаютъ, что переходъ искусственнаго сомнамбулизма изъ обстановки научныхъ опытовъ чрезъ порогъ судебнаго зала представляется невѣроятнымъ. Они разсуждаютъ такимъ образомъ, что совершеніе преступныхъ дѣйствій въ сферѣ гражданскаго права путемъ внушеній окажется рискованнымъ въ виду возможности открытія ихъ родственниками внушеннаго, заинтересованными въ уничтоженіи гражданскихъ договоровъ и обязательствъ, совершенныхъ подъ вліяніемъ внушенія. Въ области же уголовнаго права очень легко будетъ открытіе зачинщика внушеній, такъ что собственно, въ виду этого, не будетъ просто разсчета прибѣгать къ подобнаго рода средствамъ для совершенія преступленій *). Но, во первыхъ, уже Ладамъ приводитъ случай о внушеніи врачемъ самоубійства своей невѣстѣ, отъ которой ему желательно было отдѣлаться, съ цѣлію вступить въ болѣе выгодный бракъ съ другою. Недавно-же передавались газетныя свѣдѣнія о судѣ надъ лицомъ, которое путемъ внушенія заставило перевести на свое имя недвижимое имущество своей знакомой. Противъ рискованности-же совершенія преступленій путемъ внушенія, въ виду возможности ихъ обнаруженія, профессоръ Лиліенталь очень основательно замѣчаетъ, что если-бы совершеніе преступленій могло быть предупреждено одною вѣроятностью ихъ обнаруженія, то всѣ тюрьмы и смирительные дома должны были-бы совершенно опустѣть **).

Представителями безусловной невмѣняемости преступленій, совершенныхъ сомнамбулистами, являются Льежуа, Льебо, Бине и Фере, Лиліенталь и нѣкоторые другіе. Исключенія, которыя дѣлаются ими, имѣютъ свое ра-

---

*) *Gilles de la Tourette* 321—382.

**) *Lilienthal* 101.

зумное основаніе и юридически вполнѣ оправдываются, отчасти даже встрѣчаютъ аналогію въ дѣйствующихъ уголовныхъ кодексахъ.

Льежуа, какъ полнѣйшій выразитель этой послѣдней теоріи, не знаетъ никакихъ ограниченій невмѣняемости, онъ не понимаетъ, какъ и въ чемъ можно поставить ей предѣлы. Льежуа—профессоръ юридическихъ наукъ въ Нансійскомъ университетѣ, пользующійся большимъ авторитетомъ въ наукѣ гипнотизма въ глазахъ всѣхъ научныхъ его изслѣдователей—врачей. Онъ самъ занимался опытами внушенія и въ области отрицательныхъ галлюцинацій первый показалъ, какимъ образомъ возможно открыть внушившаго сомнамбулисту совершеніе преступленія, хотя бы онъ внушилъ ему также полное забвеніе, какъ о немъ, такъ и о самомъ внушеніи. При такомъ совершенствѣ въ изученіи гипнотическихъ явленій и при спеціальныхъ познаніяхъ въ правѣ, Льежуа является авторитетомъ высокочтимымъ въ медицинскомъ мірѣ, представители котораго его защищаютъ въ борьбѣ съ противниками теоріи о невмѣняемости дѣйствій сомнамбулистовъ. Осуждая рѣзко своихъ противниковъ, считая ихъ мнѣніе строгимъ, противорѣчащимъ гуманности, истинѣ и интересамъ правосудія, Льежуа говоритъ, что сомнамбулисты представляются такою-же игрою своихъ грезъ, какъ сумасшедшіе—игрою своей idée fixe: всѣ они одинаково лишены свободы, а потому они одинаково не могутъ быть признаны отвѣтственными за свои дѣйствія. Встрѣчающееся у нѣкоторыхъ сомнамбулистовъ сопротивленіе внушенію онъ приписываетъ несовершенству метода гипнотизатора. Его личные опыты убѣдили его въ томъ, что самыя разнообразныя преступленія могутъ быть результатомъ внушенія. «Развѣ, говоритъ Льежуа, глубокій, сомнамбулическій сонъ, вызванный внушеніемъ, не ставитъ данное лицо въ положеніе естественнаго сомнамбулизма, или такъ называемаго 2-го состоянія? Развѣ

сомнамбулистъ не тотъ-же душевно-больной? Можемъ-ли мы считаться морально и легально отвѣтственными за дѣйствія, которыя мы способны совершить во время сна». Льежуа приводитъ указанный Жиль де Латуретомъ судебный случай обвиненія человѣка въ убійствѣ собственнаго ребенка. Нѣкій Фразиръ, въ состояніи сомнамбулизма, увидѣлъ громадное бѣлое животное, вторгшееся въ комнату и угрожавшее его ребенку. Чтобы спасти послѣдняго, онъ схватилъ его и со всею силою бросилъ объ стѣну, такъ что убилъ его съ одного размаху. Очнувшись отъ поднятаго женою крика, онъ пришелъ въ неописанный ужасъ отъ собственнаго дѣйствія. «Развѣ можно вмѣнять отцу, любящему своего ребенка и желающему предохранить его отъ угрожающей опасности, совершенное имъ дѣйствіе, которымъ онъ причиняетъ ему величайшее несчастіе?» — спрашиваетъ Льежуа. И дѣйствительно, судъ также оправдалъ Фразира *).

Убѣжденный въ непреодолимой силѣ внушенія и въ чрезвычайно вредныхъ отъ него послѣдствіяхъ, которыя могутъ сдѣлаться предметомъ судебнаго изслѣдованія, Льежуа рѣзко поставилъ вопросъ о вмѣняемости сомнамбулистовъ, о необходимости подготовить общество и судъ къ борьбѣ съ преступленіями, какъ результатами внушенія.

Противники Льежуа говорятъ, что прежде, чѣмъ смутить общественное мнѣніе, лучше подождать, пока появится предметъ для смущенія; прежде, чѣмъ вооружить судью, не лучше ли подождать появленія перваго виновнаго. Они утверждаютъ, что судебное изслѣдованіе преступленія, совершеннаго подъ вліяніемъ внушенія, сдѣлаетъ только затруднительнымъ самое отправленіе правосудія и поведетъ къ чрезвычайнымъ усложненіямъ

*) *Liegeois* 634—635. *Gilles de la Tourette* 206.

въ процессѣ *). Но Льежуа указываетъ на фактическую возможность совершенія этихъ преступленій, какъ и всякихъ другихъ, а по поводу затрудненій судебнаго процесса говоритъ слѣдующее. «Рѣчь идетъ не о томъ, удобна или стѣснительна истина, а о томъ, должна-ли она быть доказана. Чѣмъ болѣе соціальныя учрежденія усовершенствуются, чѣмъ большую увѣренность граждане встрѣчаютъ въ гарантіяхъ, которыя подсудимый можетъ призывать себѣ на помощь, и въ формахъ, которыя ему покровительствуютъ, — тѣмъ отправленіе уголовнаго правосудія дѣлается утонченнѣе и труднѣе. Конечно, могутъ быть болѣе удобные способы отправленія правосудія. Султанъ, которому на базарѣ крестьянка жаловалась на солдата, что онъ выпилъ у нея противъ ея воли кружку молока, вслѣдствіе отрицанія солдатомъ этого факта, тутъ-же кинжаломъ распоролъ ему животъ, откуда потекла кровь, смѣшанная съ молокомъ. Это очень удобное и быстрое отправленіе правосудія. Точно такъ-же въ средніе вѣка, говоритъ Льежуа: поединокъ и испытаніе огнемъ были гораздо удобнѣе для цѣлей правосудія, чѣмъ медленность, обусловленная формальностями, чѣмъ способы изслѣдованія и длинныя состязанія, предписываемыя современнымъ уголовнымъ производствомъ. Вопросъ не въ томъ, сдѣлается-ли болѣе затруднительнымъ процессъ при изслѣдованіи гипнотическаго внушенія, а въ томъ, можетъ-ли оно сдѣлаться источникомъ преступленія и можетъ-ли оно быть доказано». Льежуа ставитъ весьма серьезный вопросъ: какъ поступить юстиціи въ томъ случаѣ, когда обвиняемый, или его защитникъ припишутъ преступленіе внушенію? Должна-ли она не обращать вниманія на то, что, можетъ быть, будетъ приговоренъ невинный, а дѣйствительно виновный избѣгнетъ наказанія? Что тогда ста-

*) *Liegeois* 630—631.

нетъ съ безопасностью, съ защитою личности и собственности, съ этими первыми обязанностями государства по отношенію къ своимъ гражданамъ? *).

Чтобы закончить вопросъ о вмѣняемости, мы должны еще упомянуть о томъ, что Бине и Фэрэ признаютъ сомнамбулистовъ отвѣтственными за свои дѣйствія въ томъ случаѣ, когда они до гипноза выразили согласіе на совершеніе преступленія. Лиліенталь полагаетъ, что если сомнамбулистъ, путемъ гипноза, хотѣлъ придать себѣ больше мужества для совершенія преступленія, то вмѣняемость должна имѣть мѣсто. И въ самомъ дѣлѣ, по свѣдѣніямъ Бине и Фэрэ, нѣкоторые изъ ихъ больныхъ знаютъ непреодолимую силу внушенія, и потому, если желаютъ что-либо совершить, то просятъ своихъ товарокъ сдѣлать имъ внушеніе, когда опасаются, что въ противномъ случаѣ, у нихъ подъ конецъ не хватитъ смѣлости, или необходимой для того дерзости. Въ подобныхъ случаяхъ вмѣняемость, по мнѣнію Лиліенталя, оправдывается тѣмъ, что въ моментъ рѣшимости способность къ самоопредѣленію была нормальна. Самое причиненіе происшедшихъ отъ преступнаго дѣянія результатовъ также совпадаетъ съ состояніемъ вмѣняемости, ибо начало причиненія ихъ наступаетъ не только съ момента совершенія преступленія, а еще съ момента приготовленія гипноза **). Это положеніе имѣетъ аналогію въ нашемъ уложеніи относительно примѣненія высшей мѣры наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ намѣренно приводитъ себя въ состояніе пьянства съ цѣлью совершить преступленіе.

Въ заключеніе мы должны посвятить нѣсколько словъ роли экспертизы въ дѣлахъ о преступленіяхъ, совершенныхъ подъ вліяніемъ внушенія. Она имѣетъ установить, дѣйствительно-ли совершенное преступленіе составляетъ

---

*) *Liegeois* 648—652.

**) *Lilienthal* 42, 106—109.

результатъ внушенія, для чего она должна изслѣдовать расположеніе обвиняемаго къ гипнозу и воспріимчивость его ко внушенію. Экспертиза можетъ дать средства къ открытію внушителя даже въ томъ случаѣ, когда бы онъ внушилъ сомнамбулисту полную потерю памяти и отрицаніе, даже подъ присягою, всякаго утвержденія о совершеніи преступленія подъ вліяніемъ внушенія. Опыты, произведенные Льежуа въ присутствіи Льебо и Бернгейма, вполнѣ убѣдили въ этой возможности, если только при гипнотизированіи, предпринимаемомъ съ цѣлью узнать подробности внушенія преступника, не будетъ сдѣлано внушеній, прямо и непосредственно противоположныхъ его условіямъ. Можно внушить обвиняемому, чтобы онъ при видѣ преступника, старался скрыть его отъ агентовъ публичной власти, бросился-бы ему въ объятія, прикрывая его своимъ тѣломъ, предупредилъ его письмомъ, что противъ него возбуждается преслѣдованіе и что онъ долженъ принять мѣры предосторожности *). Имѣетъ-ли право экспертъ прибѣгнуть къ гипнотизированію обвиняемаго съ цѣлью узнать у него болѣе подробныя данныя о посягательствѣ, жертвою котораго онъ сдѣлался? Жиль де Латуретъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно даже при требованіи о томъ со стороны судебной власти. Ладамъ, напротивъ, считаетъ это дозволительнымъ **). Льежуа находитъ, что если обвиняемый или жертва преступленія сами этого требуютъ, совершенно умѣстно прибѣгнуть къ этому средству, съ цѣлью открыть благопріятныя для нихъ указанія, къ которымъ, однако, слѣдуетъ, по его мнѣнію, относиться съ большою осторожностью, контролируя ихъ своимъ разумомъ ***). Лиліенталь допускаетъ пригодность гипнотизированія, съ цѣлью установить предрасположеніе къ гипнозу, а также для добыванія болѣе

*) *Liegeois* 688—693.
**) *Ladame* 80.
***) *Liegeois* 713—719.

подробныхъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ преступленіе, такъ какъ на яву ничего почти не сохраняется изъ того, что имѣло мѣсто при внушеніи. Но онъ думаетъ, однако, что обвиняемаго ни въ какомъ случаѣ, даже при выраженномъ на то согласіи, нельзя гипнотизировать. По закону обвиняемому предоставляется право не давать показаній противъ своей воли; а между тѣмъ гипнотизированный не можетъ быть разсматриваемъ какъ дѣйствующій свободно, а потому и показанія его, данныя въ этомъ состояніи, не могутъ быть разсматриваемы, какъ данныя добровольно. Что касается свидѣтелей, то допущеніе гипноза по отношенію къ нимъ было-бы, по мнѣнію Лиліенталя, неумѣстно съ точки зрѣнія уголовнаго процесса. Допросу свидѣтеля должна предшествовать присяга, которая, по закону, не можетъ быть предоставлена лицу, показанія котораго должны быть даны въ состояніи невмѣняемости *). Ладамъ, хотя и признаетъ возможность допущенія допроса свидѣтелей въ состояніи гипноза, но полагаетъ, что это должно быть предпринимаемо съ большою осторожностью и что вообще такія показанія не отличаются характеромъ достовѣрности **).

Всѣ согласны въ томъ, что нельзя посредствомъ гипноза исторгать тайнъ, глубоко скрываемыхъ въ душѣ обвиняемаго или свидѣтеля, а Льежуа полагаетъ, что нельзя домогаться признанія или такихъ указаній, которымъ данное лицо противилось-бы, будучи въ нормальномъ состояніи ***). Докторъ Мочутковскій, увѣренный почему-то въ томъ, что гипнозъ никогда не будетъ пользоваться правомъ гражданства въ ряду другихъ способовъ судебнаго изслѣдованія истины, выражается по этому предмету такъ: «выпытываніе врачемъ тайныхъ сторонъ

*) *Lilienthal* 112—114.
**) *Ladame* 8.
***) *Ladame* 80. *Liegeois* 719.

души человѣка, находящагося въ гипнотическомъ состояніи, должно считаться такъ-же недозволительнымъ, какъ недозволительной считается ампутація любого органа, сдѣланная безъ согласія больного и въ безсознательномъ состояніи. Вы не вернете, говоритъ образно докторъ Мочутковскій, человѣку насильно выпытанную у него тайну, точно такъ-же, какъ не вернете ампутированнаго органа. Правда, загипнотизированный можетъ не помнить, что противъ воли своей выдалъ свою тайну, но у выпытавшаго ее на всегда должно сохраниться чувство обокравшаго чужую душу» *).

За то, съ другой стороны, всѣми осуждается врачъ-экспертъ, который, видя, что судъ идетъ по ложному пути, не явится на помощь обвиняемому съ цѣлью доказать его невинность, какъ тому уже бывали примѣры въ дѣлахъ о преступленіяхъ, совершенныхъ въ состояніи естественнаго сомнамбулизма, какъ мы видѣли выше **).

Въ отношеніи ложности свидѣтельскихъ показаній, въ особенности даваемыхъ дѣтьми, спеціалистъ по этой части докторъ Мотэ даетъ весьма цѣнныя указанія для экспертовъ. Когда, говоритъ онъ, экспертъ-медикъ, послѣ долгихъ наблюденій, встрѣчается съ тѣми же словами и тѣми-же подробностями; когда достаточно съ его стороны одного толчка, чтобы услышать, раскрытіе въ неизмѣнной послѣдовательности цѣлаго ряда самыхъ важныхъ фактовъ,— то онъ можетъ быть совершенно увѣренъ, что ребенокъ говоритъ неправду и что онъ, невѣдомо для себя, подгоняетъ изобрѣтенные факты къ искреннему обнаруженію событій, въ которыхъ онъ могъ бы принимать, но не принималъ никакого участія ***).

Не только однимъ экспертамъ, но и судьямъ и слѣдователямъ Бернгеймъ даетъ совѣтъ не оказывать ника-

*) Объ истерическихъ формахъ гипноза 128.
**) *Ladame* 80.
***) *Ladame* 57.

кого давленія на свидѣтелей при допросѣ, потому что, невѣдомо для себя и для свидѣтелей, можно невольно внушить имъ не то, что имъ хотѣлось-бы показывать. Въ особенности надобно вести себя осторожно съ свидѣтелями-дѣтьми. Изъ нашей практики осталось въ памяти дѣло, гдѣ обвинялся мальчикъ въ кражѣ, а свидѣтелями явились такія-же дѣти, какъ самъ обвиняемый. Оказалось, что свидѣтели - малютки давали на вопросъ прокурора показаніе въ пользу обвиненія, а на мои вопросы отвѣты въ пользу защиты: они повторяли даже вслѣдъ за первыми словами вопросовъ тѣ-же слова: «видѣли», «не видѣли», только потому, что ихъ спрашивали: «видѣли-ли вы», или «не видѣли-ли вы». Въ публикѣ былъ всеобщій хохотъ. Это самое лучшее подтвержденіе теоріи Бернгейма о внушеніи дѣтямъ на яву.

И такъ, мы поставили вопросъ о внушеніи предъ юристами. Это не то внушеніе, которое имъ извѣстно изъ терминологіи нашего уложенія, такъ-называемаго «тѣла права» corpus juris,—внушеніе, коимъ окончательно завершается процессъ преступнаго дѣянія. Это внушеніе изъ терминологіи медицинскаго уложенія, изъ такъ-называемаго «права тѣла» jus corporis,—внушеніе, которое предшествуетъ самому преступному дѣянію.

Замѣченныя опечатки:

Страница:	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
7	8 сверху	вамое	самое
18	10 „	шевелнется	шевельнется
22	14 снизу	вызваннымъ	вызванномъ
23	8 „	историческихъ	истерическихъ
24	2 „	историческихъ	истерическихъ
28	7 сверху	мой	мой.
29	18 „	поражащими	поражающими
30	4 и 3 снизу	Eine Experimentelle studie auf dem gebiete des hipnotismus	Eine experimentelle Studie auf dem Gebiete des Hipnotismus,
32	10 „	Мочутковскимъ	Мочутковскимъ.
33	6 „	его	ею
37	13 сверху	сопровождавшимися	сопровождавшими
38	7 „	независимость	независимо отъ
44	3 снизу	*)	**)

0-10:

II-36985p.